

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

КРАСНЫЙ ЖУК

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

ЕВГЕНИЙ СУРМИН

Военная боевая фантастика

Евгений Сурмин

Красный Жук.

Предварительные решения

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сурмин Е. В.

Красный Жук. Предварительные решения / Е. В. Сурмин —
«Издательство АСТ», 2024 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-161291-7

Вся страна готовится к войне и крепит боевую мощь. Создаются новые авиадивизии, появляются новые мехкорпуса, строятся новые укрепрайоны от Балтийского до Черного моря. Готовится и боец Первой специальной разведывательно-диверсионной бригады Генерального штаба РККА Иван Жуков с позывным «Жук», все чаще задумываясь о карьере военного. А вот для майора Самойлова – Командира – война уже началась. И ради будущей победы он готов пойти если не на все, то на многое. Помочь Барсу организовать еще одну базу спецназа? Легко. Поставить на танки минометы? Запросто. Инициировать чистку среди руководства ВВС? Раз надо так надо. Лето 41-го уже близко, и оно покажет, правильно ли все они поступают, не жалея ни себя, ни других.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161291-7

© Сурмин Е. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Сурмин

Красный Жук. Предварительные решения

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 49

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Евгений Сурмин, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Евгений прекрасно понимал, что моряком он является только номинально. Сменив гражданский костюм на форму матроса, он так и остался инженером-химиком. Не поменялось даже место работы – научно-техническая лаборатория Артиллерийского научно-исследовательского морского института. И с ее начальником Иваном Ивановичем Греном¹ у него сложились нормальные деловые отношения. Сам прекрасный артиллерист, Грен высоко ценил профессионализм и в других людях и не очень-то обращал внимание на официальный статус Евгения – рядовой краснофлотец.

Будь его, Евгения, желание, так уже служил бы командиром, имел бы свою квартиру и прочие блага. Но тогда пришлось бы бросить доводку «своей» взрывчатки – гексала, – которая обещает быть в два раза мощнее немецкой ТГА.

Принципиально взрывчатка уже создана, осталась кропотливая и опасная работа по выяснению оптимальных пропорций. Поэтому и ютятся они сейчас с женой по углам у друзей, поэтому отказался от выдвижения его кандидатуры на Сталинскую премию. Все ради А-IX-2.

Но какими бы хорошими ни были отношения, сегодня товарищ контр-адмирал смог Евгения удивить. В субботу утром не только нашел его на квартире очередных знакомых, но и прислал машину – черную штабную эмку. Если Евгению не изменяет память, таких машин у Артиллерийского института не было.

Приехавший с машиной незнакомый каплей, представившийся Григорием, передал приказ немедленно ехать в лабораторию на Мичуринскую, взять материалы по новой взрывчатке и сразу в адмиралтейство, там встретят. Кто именно встретит, каплей не знал, но указание разыскать матроса Ледина, причем немедленно, поступило лично от самого адмирала флота товарища Кузнецова.

Собирался Евгений не долго, какие там вещи, если по чужим углам который месяц мыкаешься. Схватил портфель с документами, накинул шинель – и готово. В лаборатории тоже долго не задержался: взрывчатые вещества требуют аккуратности, даже, можно сказать, педантизма. Вот и документация вся на своем месте по полочкам разложена.

Засомневался даже, можно ли документы из лаборатории выносить, но оказалось, товарищ Грен, которого тоже выдернули из дома на службу, знает капитан-лейтенанта лично и все до этого сказанное подтверждает. Иван Иванович уже разговаривал с командующим Балтийским флотом, товарищем Трибуцем, и адмирал поделился информацией, что инициатор всей этой суматохи даже не нарком ВМФ, а совершенно сухопутный начальник Генерального штаба Жуков.

В адмиралтействе Ледина встретили, проводили в приемную командира Кронштадтской военно-морской базы контр-адмирала Вадима Ивановича Иванова.

Потом Евгений два часа ждал, чтобы узнать, что контр-адмирал в городе отсутствует, а ему следует немедленно ехать на аэродром. Хорошо, все тот же каплей Григорий прямо там передал его из рук в руки какому-то пожилому и усатому старшине. А уж тот без промедления посадил Ледина на готовый к вылету серебристый Ли-2. В салоне, к его удивлению, сидели не рыбаки или военные моряки, а самые настоящие геологи, бородатые, с гитарой и уже успевшие пригубить за успешную посадку. Не успели познакомиться, как самолет тронулся, а начальник партии, самый бородатый и не расстающийся с малахаем здоровенный детина, посмотрев на часы, объявил, что самолет стоял на взлетной полосе 24 минуты. Это сообщение почему-то вызвало у всей честной компании взрыв восторга. Оказалось, рейс задержали из-за Евгения,

¹ Иван Иванович (Йоханнес) Грен (эст. Johannes Green; 13 (25) декабря 1898, Феллин – 19 сентября 1960, Москва) – советский военный деятель, ученый в области морской артиллерии, вице-адмирал (17.06.1942).

и геологи, ожидая «важную шишку», успели между собой решить, что если задержка будет более получаса, весь полет игнорировать опоздавшего «начальника».

Сейчас полет подходил к концу, под крыльями самолета уже мелькала Москва. С геологами Евгению повезло, накормили здоровенными бутербродами и даже почти силком влили 50 граммов спирта. Ледина, питавшегося последний раз еще вчера вечером, даже на какое-то время повело, и он провалился в состояние апатичного спокойствия. Похоже, новый начальник ГАУ Воронов заинтересовался его взрывчаткой и хочет пообщаться лично, да и ладно. За свои разработки Евгений спокоен, если надо, и самому товарищу Сталину доклад сделает.

Откинувшись на спинку кресла, Евгений размышлял, испытывая несколько двойственное чувство. С одной стороны, гордость за то, что его разработку заметили на самом высоком уровне и, судя по срочности вызова, потенциал нового взрывчатого вещества наконец-то оценили по достоинству. С другой, некоторая досада. Еще бы с полгода на доработку и дополнительные испытания – и А-IX-2 можно смело запускать в производство.

Евгений Григорьевич Ледин не знал, что ни у него, ни у СССР этого времени уже нет.

Глава 1

Игры на свежем воздухе

31 января 1941 г. База 1-й специальной разведывательно-диверсионной бригады ГШ РККА

– Los!²

Иван рванул дергаными прыжками, по колено проваливаясь в снег, стараясь быстрее преодолеть заснеженный участок.

– Schneller! Du wildes, russisches Schwein!³

– Урод. – Иван выскочил из снега и в три прыжка оказался у закопченной кирпичной стены. Высота кладки составляла около двух метров, а у самых ног чернел провал неширокого лаза. Выбрать, куда дальше, Иван не успел.

– Beweg! Dich!⁴

Вверх – это хорошо. В прошлый раз в этой дыре весь изгваздался в каком-то помете. «И где они его только достали», – уже оседлав стену, подумал Иван.

Спрыгнул удачно, не зацепив ни одну сигнальную растяжку. Дальше короткий полукилометровый отрезок до покосившегося столба. Не медлить, но и не бежать сломя голову. Отдыхать, напрячь по очереди мускулы, убедиться, что нигде нет опасного травмирования.

По внутренним ощущениям все было в порядке, и шел Иван хорошо, может быть даже в первой десятке.

– What time is it now?⁵

Иван, потеряв секунду, соображая, что от него хотят, посмотрел на солнце.

– Twelve⁶.

– Eleven forty-five. Down⁷.

Черт! Сглазил! Значит, «Лабиринт».

«Лабиринтом» курсанты называли сооружение, имитирующее подвал многоэтажного дома, уцелевший после бомбежки. Излишне говорить, что местные умельцы дополнили его всевозможными ловушками. Убивающие и калечащие, правда, хватило ума не ставить, но на этом, пожалуй, ограничения и заканчивались. Любому курсанту были гарантированы ссадины, вода, грязь и отвратительное настроение по прохождении. И это еще цветочки, а могли и ловушку с краской установить, и дохлую птицу так приладить, что рукой ее обязательно схватить.

Не забыли наставники и про «минотавра», роль которого обычно исполнял один из инструкторов, прилично владеющий рукопашкой. А три дня назад в «Лабиринте» появились крысы.

Иван замер, раздумывая, в какой коридор свернуть; идти вправо почему-то совершенно не хотелось, и он, недолго думая, выбрал левый, из которого раздавался слабый шорох. С крысами он разберется, а вот нарваться на «минотавра» – однозначно получить не менее пятидесяти штрафных очков.

Судя по всему, с направлением он угадал верно. Двух крыс он атаковал и технично сломал шеи, не дожидаясь, когда они бросятся первыми. А больше ничего интересного и не было.

² Бегом! (нем.)

³ Быстрее, дикий русский свин! (нем.)

⁴ Вверх! Шевелись! (нем.)

⁵ Сколько сейчас времени? (англ.)

⁶ Двенадцать (англ.).

⁷ Одиннадцать сорок пять. Вниз (англ.).

Так что полз Иван хоть и практически на ощупь, постоянно замирая и прислушиваясь, зато спокойно и, можно сказать, относительно комфортно. По пути ему не встретилась ни одна лужа с водой или, того хуже, машинным маслом.

По прикидкам, до выхода Ивану осталось совсем чуть-чуть, и разумно было бы ускориться, несколько сэкономленных секунд лишними точно не будут. Смущало только то, что протекало все уж больно гладко.

Иван в очередной раз замер и попытался впасть в транс, как учил мастер Лю. Примерно через минуту Жуков, так и не дождавшись каких-нибудь озарений, понял, что ученик по этой дисциплине из него так себе. Но бдительность усилил: сэкономленные секунды – это хорошо, а вот практически на финише попасть в ловушку он себе позволить не мог. Ставки на этот раз были особенно высоки – арбалет Скифа. Разумеется, не сам арбалет, а возможность из него вволю пострелять.

На оружие Скифа, с которым он последнее время не расставался, облизывалось большинство наставников, что уж говорить про курсантов. И вот вчера было объявлено, что отделение, лучше других сдавшее итоговый январский кросс, одно занятие по стрелковой подготовке будет изучать, как выразился Ян, «сокровище скифов». Так что борьба с утра шла бескомпромиссная и на пределе сил. Хорошо хоть кросс не устроили, по местному обыкновению, на сутки, а ограничились, как теперь становится ясно, полосой препятствий, рассчитанной на прохождение примерно за шесть часов. За шесть чертовски трудных часов.

В самый последний момент Иван ощутил легчайшее прикосновение к своему лицу и замер. Что-то похожее на волос дотронулось до щеки и вмиг натянулось. Иван, стараясь не делать резких движений, подался назад. Как он ни старался этого избежать, пришлось зажечь спичку.

Метра два пространства, отделяющего его от выхода, были густо завешаны проволочными петлями, свисающими откуда-то сверху. Понадобилось еще три спички, прежде чем вспотевший от напряжения курсант Жуков выбрался на грязный снег за пределами подвала.

Иван лежал на спине с закрытыми глазами и улыбался. Каждая спичка означала штрафной балл, но, уже вываливаясь из какого-то технического люка наружу, он осознал, что впервые прошел этот подлый «Лабиринт», не попав ни в одну ловушку.

– Schnell! Zum Auto!⁸ – над самым ухом раздался резкий, как выстрел, крик не поленившегося присесть на корточки инструктора.

Насладиться своим триумфом Ивану дали от силы секунды три.

«Да чтоб вас!» – Уже вставая, Жуков увидел метрах в ста полуторку и побежал.

С десятка инструкторов и столько же курсантов, машущих руками, среди которых из 5-го отделения, к удивлению Ивана, был только Барометр.

«Восьмой!» Неизвестно, сколько набрали штрафных очков семеро курсантов, закончивших испытания раньше него, и сколько сам Иван. Но он восьмой, выбравшийся из «Лабиринта»!

А парни так радовались и подбадривали его еще и потому, что полуторка рассчитана на перевозку в кузове именно восьми человек. Так что ждали только его. Вернее, не его лично, а того, кто придет восьмым.

Уже через пару минут, выполнив одну из самых приятных команд – «По машинам», курсанты уносились в сторону казарм, к еде и теплу. По явственно тянувшему по ногам ветерку было ясно: полуторка им досталась разъездная, то есть не закрепленная за конкретным подразделением. Те-то авто были утеплены по максимуму. И хотя инструктора смотрели на эту

⁸ Быстрее! К машине! (нем.)

самодеятельность с явным неодобрением, но не запрещали, держа данное Командиром слово не вмешиваться в эксплуатацию закрепленных за курсантами машин.

Вспомнив свой автомобиль, Иван непроизвольно улыбнулся, мысленно возвращаясь к тому дню, когда он впервые увидел ее – Лин Мэй. Думать о девушке, которая походя забрала его сердце, Иван сам себе запретил. Зато прекрасно помнил, к каким последствиям в итоге привела вся эта суета с китаянками и докторами – 5-е отделение не успело собрать полуторку в отведенное время.

На следующий день после торжественного митинга по поводу отбытия Барса ухотывающийся Тор собрал всех оставшихся техников и курсантов 5-го отделения у ангара. Торжественно, ну, насколько это возможно, принимая во внимание тот факт, что он практически не разгибался от смеха и издавал какое-то не то хрюканье, не то фыркание, стараясь не заржать в голос, Тор объявил, что готов осчастливить проигравшее отделение не просто эмблемой, но тотемом.

А потом из ангара выкатилась их полуторка. С розовощеким, одетым в яркий пляжный костюм и смолящим папироску поросенком, нарисованным прямо на водительской дверце. Надпись полукругом, идущая над головой отдыхающего свина, гласила: «Упоротые порося».

Упоротые порося. Упоротые порося! Нет, вы не ослышались, именно так. Именно порося и именно упоротые, что бы это ни значило.

Это, вообще, как понимать?

Когда народ осознал, что он видит, строй техников просто рассыпался. Люди катались по земле и икали от смеха. А вот парни его отделения смотрели на Ивана так, что, наверное, лучше бы побили.

Вдоволь насладившись произведенным эффектом, Тор подошел к кабине и поманил курсантов за собой. Разумеется, за ними сразу же ломанулись и посмеивающиеся техники, ожидающие продолжения веселья.

Прошло несколько минут, прежде чем смех стих и даже самые непонятливые осознали, что Тор все это время молча стоит около левой дверцы авто. И только дождавшись полной тишины, Тор кивнул и жестом фокусника, достающего белого кролика из шляпы, воткнул пальцы прямо в дверь. Народ дружно ахнул, а кое-кто и дернулся осенить себя крестным знаменем. Оказалось, поросенок был нарисован на листе бумаги, которую приклеили прямо на металл, да так искусно, что никто не заметил подвоха.

Под первым рисунком оказался еще один, да какой! Не узнать Валерину руку было невозможно. Матерый секач с налитыми кровью глазами и отливающей сталью щетиной готов был ринуться в бой немедленно, а огромные клыки, торчащие из пасти, внушали почтительный трепет. Для особо одаренных над рисунком была надпись, которая с пролетарской прямоотой гласила – «Секачи».

Только вот, к сожалению для 5-го отделения, с легкой руки Тора иначе как «упоротые порося» их уже никто не называл.

Хорошо это или плохо? Как посмотреть. С одной стороны, Поросенок – позывной, конечно, так себе, можно бы и обидеться. Только ощущают себя курсанты давно не поросятами из сказки про серого волка, а именно матерыми кабанами, которые и дуб уроют, и не то что волку – медведю наваляют.

Так что слово к делу не пришьешь, а на автомобиле у них смертельно опасный зверь.

Примерно так же думали курсанты и в остальных отделениях, когда все без исключения ринулись просить эмблему-тотем себе. И, как здесь любят говорить, «обломались». Начальству во главе с Командиром, в связи с отъездом Барса, было не до каких бы то ни было эмблем. Да и Валера, оказывается, отбыл в неизвестном направлении и на неопределенный срок. Все, что удалось узнать курсантам, – командировка. Хорошо хоть знающие люди заверили, что очередной номер комикса про приключения Чуви Чубайса выйдет строго по расписанию.

Парни попытались разукрасить машины сами, но попытка была быстро пресечена. Не без удовольствия Макей пересказывал, как Командир отнесся к самодеятельной живописи: «Еще один рисунок, неважно на чьей машине, и у нас будет одно отделение “Секачи” и семь – “Мокрые маленькие медузы”».

Вообще, учиться стало одновременно и легче, и сложнее, как бы парадоксально это ни звучало. Теперь они значительно меньше бегали и копали, а высвободившееся за счет этого время заняли занятия, требующие напрягать мозги и мелкую моторику.

Иван усмехнулся про себя, представляя, как ввернет что-то подобное в разговоре со своим ротным, когда вернется в полк. «Да, товарищ лейтенант, с мелкой моторикой-то в подразделении явно наблюдается прогрессирующая стагнация». Вот он рот раскроет, а Иван ему: «Петр Семенович, что-то вы утратили контроль за жевательной, височной и медиальной мышцами».

Хотя название мышц Иван выучил специально, объем специальных знаний, вложенных в головы курсантов за последнее время, поражал. Вожделение и ремонт автомобиля, стрельба из пулемета и снайперской винтовки, минно-взрывное дело и основы фортификации, работа холодным оружием и анатомия, и это далеко не полный перечень.

Но больше всего сержанта Жукова удивляло и даже настораживало, что им давали тактические наставления на уровне роты. Как атаковать перекатами, как организовывать огневые рубежи с фланкирующими огневыми точками и отсечными позициями, как должно быть организовано боевое охранение на марше и как устраивать секреты⁹. Уровень знаний был выше компетенции не только сержанта, но и выпускника военного училища. Если исключить вариант, что по выходе отсюда они получают кубики на петлицы¹⁰, оставался второй, немного мрачноватый вариант.

Выходит, здешнее начальство не исключает вариант, что в боях части окажутся без командиров уровня взвод – рота. Еще месяц назад такой вывод не на шутку испугал бы сержанта Жукова, и он обязательно обратился бы к наставникам или к комиссару за объяснениями. Но сейчас это был уже другой Иван, смотрящий и на врага, и на боевую подготовку своих однополчан через призму полученных знаний и умений. Сейчас очередное подтверждение того, что война будет кровопролитной, вызывало злость и решимость не подвести Родину, когда придет его время. Вот и не спешил Иван делиться с кем-то своими выводами, считая, что лучше пусть все идет, как идет.

От природы цепкий ум позволил ему заметить, что инструктора уже негласно разделили всех курсантов на две группы. И он не собирался переходить во вторую, к которой наставники едва заметно смягчили требования именно по тактике. Как ни крути, а все люди разные, и по уму тоже. И если физические кондиции достаточно просто были подтянуты питанием и тренировками, то с интеллектом такой номер не проходил. К сожалению, и в 5-м отделении оказалось два курсанта, которым тактика давалась с огромным трудом. Да и остальные дисциплины они схватывали чуть, но медленнее остальных. В обычной части были бы одними из лучших, да то в обычной.

А Иван стал задумываться о карьере военного. Ну а что? Если переживет первые, самые кровопролитные месяцы, то, если помечтать, через год, к концу войны, можно и шпалу¹¹ получить. А уж звание лейтенанта точно Ивана не обойдет. После войны учеба, конечно: без образования сейчас никак. А там кто знает, на какие высоты его занесет, может, даже полковником.

⁹ *Секрет* – скрытно выставляемый сторожевой пост на наиболее опасных подступах со стороны противника.

¹⁰ *Кубики на петлицы* – у лейтенантов в качестве знаков различия использовались изготовленные из красной меди и покрытые прозрачной красной эмалью квадраты, в обиходе закрепилось жаргонное название «кубари», или «кубики».

¹¹ *Шпала* – один прямоугольник на петлице, означающий звание капитан.

Вот и старается Иван изо всех сил, слова умные запоминает, попытался в библиотеке книги брать, но не сдюжил, от новых знаний и так голова пухнет, чуть не лопается.

Но интересно, очень интересно. Особенно задания по тактике и, к удивлению самого Ивана, минно-взрывное дело, причем особенно в той части, где дело именно взрывное. Устанавливать, а главное, понимать, где и как устанавливать стандартные мины, конечно, интересно. Но во сто крат интересней делать мины-ловушки с начинкой из всего, что только может взрываться, начиная от артиллерийских фугасов и вплоть до герметичной бочки, на треть заполненной бензином.

Оказалось, взрывчатки кругом просто море: это и удобрения, и горюче-смазочные материалы, строительные и проходческие смеси, военные пороха, тротил, пироксилин и многое-многое другое. А способов с наибольшей эффективностью все это скомпоновать, установить оптимальный детонатор и по-хитрому оставить там, где враг обязательно попадется, существует просто бесчисленное множество.

Подрывник своего рода скульптор или художник. Конечно, как в любой профессии, девять из десяти человек никогда не поднимутся выше уровня подмастерья. Выкопал ямку, положил мину, прикопал. И это правильно, мина опасна своей массовостью.

Только Иван на уровень подмастерья не согласен, да и задатки у него есть. И это не его слова, а инструктора Вара, позывной которого они ошибочно считали произошедшим от фамилии Уваров.

Иван уже не раз замечал, что очень многое тут имеет двойное дно, вот и позывной флегматичного наставника без сокращений оказался Варвар. Уже после окончания Зимней войны, когда вышедший из госпиталя, хоть и с тростью, но на своих ногах, Командир осматривал разрушенный финский укрепрайон, он обронил фразу, что раскурочили доты знатно, не хуже, чем варвары в свое время Рим на копье взяли. Вот и прилип к возглавляющему отделение саперов старшему лейтенанту Уварову грозный позывной «Варвар». А всю их взрывоопасную группу, опять же с легкой руки Командира, между собой стали называть «Вандалы».

Оказалось, чтобы приблизиться по уровню к «вандалам», мало иметь чуткие пальцы и светлую голову, нужна основательная теоретическая база. И сегодня вечером у Ивана первое индивидуальное занятие. Два часа перед сном, которые отделение проведет, изучая радиодело, сержант Жуков будет грызть гранит науки. Как намекнул...

Грузовик резко вильнул вправо и пошел юзом, опасно накренившись на левый борт.

– Началось, – неожиданно спокойно констатировал Иван, выпрыгивая из автомобиля.

Тренированное тело выскочило, как пробка из бутылки шампанского, которое хорошо ударили по доньшку. Взрыв раздался уже за спиной, специфический звук однозначно указывал на взрывпакет, взорванный где-то под самым кузовом, а запах – на то, что не обошлось без так обожаемой инструкторами дымовой пашки.

Иван прыжком ушел еще правее, смещаясь за борт полуторки. Вовремя. Сквозь дым из машины посыпались остальные курсанты. Но внимание Ивана уже было приковано к двум фигурам, стоящим у квадроцикла.

– Танки!

– Бутылки хватай! – практически одновременно с инструктором Ломом крикнул водитель квадрика.

«Ну кто бы сомневался», – уже подсакивая к рядком выставленной стеклотаре, подумал Иван.

Темно-зеленые, мутные емкости объемом 0,5 и 0,7 литра были заполнены раствором марганцовки и имитировали бутылки с зажигательной смесью.

А танки нужды имитировать не было. Танки были настоящие.

Пробежав еще пару метров, Иван остановился, ища взглядом темные коробки бронетехники. Получил заряд снежной дробы в лицо и инстинктивно зажмурился.

К радости 5-го отделения, Тор стал одним из немногих техников, которые не отправились вслед за Барсом. Поговаривали, что это было связано с работой доктора Спрынова. Так это было или нет, Иван не знал, да и не сказать, чтобы это его интересовало. Главное, Тор охотно делился с ними разнообразной информацией, отвечая на множество задаваемых курсантами вопросов и рассказывая что-то по своей инициативе.

Он же и объяснил, почему танковой атаки следует ждать именно в этом месте. Оказывается, это было единственное в округе достаточно большое открытое пространство, где ветер сдувал практически весь снег с земли. А играть с танками в прятки-догонялки по колено, если не больше, в сугробах было нечестно. То есть, конечно, о таком понятии, как честность, здешние инструктора слыхом не слыхивали. Но вот эффективно обучить курсантов противодействию танкам снег мешал. Даже не сам снег, а оставляемая человеком дорожка следов.

Перед их первой «игрой» Макей произнес короткую речь, суть которой сводилась к тому, что зимой в поле с танком нечего и связываться, да и летом тоже. Но есть один момент: одиночная машина, независимо от толщины брони и калибра орудия, крайне уязвима из-за открытого обзора. Особенно если пристрелить командира танка, торчащего из башни.

Так что задача «игры» предельно проста – забросать танки бутылками с зажигательной смесью. У курсантов горючую смесь заменяла подкрашенная вода, а танкисты будут стрелять холостыми – и из пулеметов, и из пушек. Решать же, попали они куда-то или палят в белый свет как в копеечку, доверено сидящим на броне «посредникам».

«Чертов ветер!» – Иван ругнулся и прикрыл глаза ладонью, пытаясь увидеть противника.

– Белые! На один час! Колонной! – раздался справа и чуть сзади голос одного из курсантов 1-й роты.

Теперь Иван их увидел. Немного правее центра напоздали два закамуфлированных Т-28 с такими же белыми комками позади башен.

«И куда только раньше смотрел. Вон как утеплились, прям пузыри», – раздраженно оценил Иван облачение «посредников». Засунув бутылки в специальные карманы, нашитые на разгрузку со стороны спины, Иван молча, сберегая дыхание, устремился навстречу танкам, забирая потихоньку влево.

– Самки енотовидной собаки! – Если позволяли обстоятельства, ругаться Иван предпочитал также культурно, по мере сил копируя манеру Барса. Сейчас обстоятельства позволяли: Иван лежал в какой-то рытвине, уткнувшись лицом в мерзлую землю, и старался не шевелиться.

– Аха, как же, нет у танков обзора. Значит, это неправильные танки, и едут они неправильно.

Считать так у курсанта Жукова были все основания: хитрые танкисты пустили машины двумя змейками в противоход. Когда передний отклонялся максимально влево, задний – максимально вправо, и наоборот. Да еще башня первого смотрела на второй, контролируя подходы. Нет ничего удивительного в том, что четверых самых нетерпеливых или, может быть, просто невезучих уже срезали.

Танки шли, выписывая гигантскую восьмерку во все поле, и, казалось, никуда не торопились, покачивая башнями. А вот Ивану не мешало бы и поторопиться: мало того что ледяной ветер до костей продувает, так и ничего кроме штрафных очков, лежание не даст.

Не поднимая головы, Иван тем не менее примерно представлял, где сейчас находятся танки: они надвигаются практически на него, но неизбежно должны проехать левее. И нужно немедленно решать: или отползти вправо, или оставаться. В последнем случае, если его не заметят, Иван окажется прямо за кормой второго танка, в мертвой зоне.

Иван еще сильнее вжался в стылую землю и замер, стараясь даже не дышать.

В этот день удача ему явно благоволила, чертовы железяки, громыхая и плюясь вонючим дымом, проехали совсем рядом, но Ивана не заметили. Жуков приподнял голову – момент был идеальный. Замыкающий танк был метрах в пяти и удалялся, прикрывая Ивана корпусом от второго танка.

Иван вскочил, выдергивая «зажигалки», с такого расстояния промахнуться было практически невозможно. Дальше все случилось одновременно. Иван бросил бутылки, ближний танк качнулся, резко смещаясь влево, а дальний, наоборот, подал вправо, вынося башню из слепой зоны. Одна бутылка, брошенная левой рукой, кувыркаясь, разбилась прямо позади башни, под ногами «посредника», вторая разлетелась, ударившись о правую гусеницу.

Раздался выстрел. И хотя Иван был уверен, что ствол пушки смотрел чуть-чуть в сторону, «посредник» чиркнул рукой по горлу, показывая, что курсант условно убит.

«Ну и черт с вами!» – подумал Иван, испытывая облегчение оттого, что очередное испытание закончилось, и как минимум вничью. Нашел глазами их полуторку, присвистнул.

В запарке боя, хоть и учебного, казалось, что все происходит в нескольких сотнях метров от машины. Сейчас же, если не обманывал глазомер, идти Ивану предстояло чуть более полутора километров.

Правда, метрах в трехстах стоял Бар и махал Ивану рукой, значит, нужно поторопиться, идти вдвоем все-таки намного веселее.

– Убили, Жук?

– Пузырь сказал, что да.

– Пузырь! Ха-ха-ха! Надо парням сказать, точно ведь похож. А сам как считаешь? Если в настоящем бою?

– Бар, ну ты сам подумай. На войне танки вот так зигзагами передвигаются? Убили, значит, убили. Но и я его достал.

– Молодец, так им! Да я и не сомневался в тебе, Жук. Не думал в училище поступать?

– Ну, была такая мысль.

– Правильно! А я хочу на врача учиться. Не, не сейчас, конечно! После победы! – поспешил уточнить курсант Иванов на удивленный взгляд Ивана. – А вот тебе надо дальше по военной линии двигать. Генерал Иван Жуков – звучит!

– Скажешь тоже.

– Не, я серьезно. По тактике ты вот даже лучше Белого соображаешь. Не зря же тебя Командир отметил.

Иван мысленно усмехнулся, вспоминая. Да, Командир тогда курсанта Жукова отметил, только чего Ивану стоило выдержать командирское внимание. Семь потов и килограмм нервов, которые, между прочим, по словам Айболита, не восстанавливаются.

К проверке курсантов на предмет наличия тактического мышления здесь подошли, как всегда, нестандартно и с размахом. Каждый из парней на время стал командиром стрелкового батальона, да еще с такими средствами усиления, что мама не горюй. А чего мелочиться-то.

Исюминка была в том, что средства усиления, местность, боевая обстановка и, конечно же, задача у каждого курсанта были строго индивидуальными. Кто-то атаковал, кто-то оборонялся. Ивану же вводная досталась такая, что хоть на луну вой, хоть стреляйся.

Под началом Ивана в полуокружении оказались стрелковый батальон, две роты саперов и отдельный автомобильный батальон. Сводный танковый отряд противника, до батальона танков и до роты мотопехоты на бронев автомобилях и мотоциклах, перерезал дорогу, соединяющую батальон с основными силами корпуса, и вышел в наши тылы, попутно разгромив железнодорожный узел «Энск».

Задача Ивана – вывести части, оказавшиеся под его командованием, из намечающегося окружения с минимальными потерями.

В общем, ответ был очевиден даже сержанту. Сажать всех на грузовики и гнать на соединение с корпусом. Благо танки вырвались вперед, а пехота отстала, единственная дорога пока свободна. Малейшее же промедление, наоборот, приведет к катастрофе. Местность кругом лесисто-болотистая, и, если противник успеет оседлать дорогу, к своим придется пробиваться через лес, теряя время и бросив всю материальную часть.

За быстрый ответ начислялись дополнительные баллы, но Иван медлил. В душе что-то скребло, не давая поднять руку.

Вот уже без нареканий отчитались Белый и Марат. Затем явно завалил испытание Зусь, а Иван так и сидел, уставившись в одну точку.

– Думаешь, Жук?

– Так точно!

Иван дернулся, но в последний момент удержался от того, чтобы вскочить, вытянувшись по стойке смирно, зная, что Командир предпочитает общение на равных. Иван подозревал: дело было в том, что убежденность Командира в своем праве командовать и учить была столь незыблема, что не нуждалась в каких-то внешних проявлениях.

– Правильно. Главная обязанность командира – думать. Запомните это, товарищи курсанты. В бою последовательное выполнение пусть не оптимального приказа, как правило, приводит к лучшим результатам, чем метания в желание что-то исправить в свете вновь полученной информации. Разумеется, бывает всякое. Но общее правило таково: лучше что-то делать, чем ничего не делать; лучше продолжать делать начатое, чем отменять. И, разумеется, принимать решения нужно максимально быстро. На войне обязательно возникают ситуации, когда любое решение будет казаться плохим, и будут решения, которые посылают бойцов на верную смерть. Это крест командира, и с этим придется жить. Ваша обязанность – без колебаний принять такое решение и проследить за его исполнением. Если потребуется, самыми жесткими методами. С паникерами и дезертирами командир обязан расправляться без всяческой жалости. А чтобы не было предпосылок к таким постыдным явлениям, нужны две вещи: дисциплина и уважение. Думаю, вам, как сержантам РККА, разжевывать, что это такое, не нужно. Жук, тебе все понятно?

– Так точно! Разрешите отвечать?

– Готов, значит?

– Готов, товарищ командир.

– Ну пойдем. Какой номер карточки?

– Тринадцать.

– Счастливая, значит. Диспозицию я помню, излагай сразу, что решил.

Чтобы встать из-за парты и пересесть за стол экзаменаторов, нужно несколько секунд. Время более чем достаточное, чтобы задавить скребущееся чувство в груди и выбрать очевидный вариант.

Не выгонят же его, в конце концов. Наверное. Единственно верное решение – сажать всех на автомобили и гнать на соединение с корпусом. Задача ясна – стоит вывести части, оказавшиеся под его командованием, из окружения.

– Ну что, Иван, молчишь? Сам вызвался, самому и ответ держать.

– Одну роту оставлю на позициях батальона. Всех остальных посажу на грузовики и займу Энский железнодорожный узел. Если хватит машин, то раненых и документацию с хоззводом отправлю на соединение с корпусом.

– Так. А не хватит транспорта, стало быть, не отправишь?

– Не хватит, пойдут пешком, кроме тяжело раненных, для них транспорт найдем.

– Так, ну, мне все ясно. А у вас, товарищ батальонный комиссар, есть вопросы к курсанту?

– Есть парочка, как не быть.

«Ну все! Хана мне! То все сидел и улыбался, а мне вопросы».

– Скажи, Иван, ты понимаешь, что рота позиции батальона никак не удержит?

– Да! Понимаю!

– Хорошо. Понимаешь, что все они погибнут или, того хуже, в плен попадут?

«Плен, плен, плен...»

– Да!

«Сейчас спросит, так какого хрена оставляю их там».

– Второй вопрос. Скажи, ты сам, лично, как комсомолец, считаешь, что нарушил приказ командования?

– Да!

«Только выгонят или трибунал?»

– У меня больше вопросов к комсомольцу Жукову нет.

– А вот тут ты ошибаешься, Рашид. Вопросы у нас не к комсомольцу Жукову, а к комбату Жукову.

«Это как понимать? Меня выгоняют или еще нет?»

– Даже подсудимому в суде дают последнее слово. А мы здесь если и судим, то не с целью выяснения – чьей-либо вины или невинности, а только с целью определить уровень, если можно так сказать, предрасположенности человека к военному мышлению. Так что, комбат Жуков, рассказывай, почему ты отдал именно эти приказы. Давай спокойно и по порядку.

«Вроде не выгнали! Ох, чего говорить-то? Все мысли из головы повывлетали».

– Если немедленно не перекрыть дорогу, то неприятель основными силами выйдет за спину нашим бойцам и отрежет весь корпус. А наличие железной дороги позволяет быстро перебросить резервы на это направление.

– Есть ли в этом смысл? Ведь порядка, скажем, пятидесяти танков при поддержке мотопехоты уже прорвались в тыл корпуса.

– Конечно, пятьдесят танков – сила, и попадись им какой-нибудь обоз или штаб, они его разгромят. Но у корпуса вполне достаточно сил справиться с танковым батальоном и ротой броневиков. К тому же, если им заблокировать подвоз горючего и боеприпасов, долго они не провоюют. Вообще, учитывая, что тут одна нормальная дорога, думаю, если мы сумеем сутки продержаться, у корпуса будет хороший шанс восстановить положение.

– Что ж, мотивы комбата Жукова, думаю, всем понятны. Да, товарищи?

Товарищи экзаменаторы закивали и, как показалось Ивану, даже чуть заулыбались.

– Тогда подытожу.

Иван, чуть было немного расслабившийся, опять застыл каменным изваянием.

– С одной стороны, мотивы самые, я не побоюсь этого слова, благородные, с другой – нарушение приказа. Как тут быть? Как рассудить? Прежде всего хочу напомнить, еще фельдмаршал граф Суворов Александр Васильевич сказал: «Хочешь повелевать, научись повиноваться». Я только что сказал, как нужно поступать с дезертирами, а невыполнение приказа есть дезертирство, и никак иначе. Спрашивается, почему мы тогда возмемся с товарищем Жуковым? Почему просто не указать ему на недопустимость таких решений и даже их подсудность? Давайте разберемся, товарищи курсанты. Какова суть дезертирства?

Военнослужащий прекращает выполнять свой долг и покидает свой пост с целью спасти свою жалкую жизнь. Паникер при этом еще и орет: «Помогите! Все пропало!» И вообще несетя без оглядки, сшибая все на своем пути. Похоже, что комбат Жуков действовал как дезертир и паникер? Нет, не похоже. Но приказ сознательно нарушил. Почему? Не вам, опытным сержантам, мне говорить, что уставы пишутся кровью, что у отдающего приказ всегда больше информации, чем у исполнителя. Но... жизнь всегда сложнее, чем можно описать в самом подробном уставе. И могут возникнуть ситуации, особенно в отступлении, когда вышестоящий штаб будет получать неполную информацию, да еще и с опозданием. Или даже

вы получите приказ, намеренно искаженный или отправленный противником. По радио или, например, заставили малодушного командира с пистолетом у виска что-то по телефону приказать. Стоит задуматься, если вам без объективных предпосылок приказывают с хорошо укрепленных позиций уходить в тыл, особенно если вы прикрываете узел дорог, или переправу, или еще какой-то важный в стратегическом плане объект. Что тут можно посоветовать. Включать мозги и думать, что вам чуйка говорит, что партийная совесть подсказывает. Долг солдата – Родину защитить, по сравнению с этим смерть или трибунал – сущая мелочь.

Страшно было Ивану такой приказ отдавать? Конечно, страшно, и думаю, он больше не трибунала боялся, а того, что его наши же не поймут, подумают, что напрасно людей сгубил, а может, и еще чего хуже. Невыполнение приказа – позор, но еще страшнее жить с осознанием того, что ты имел шанс спасти тысячи жизней, но даже не попытался.

– Так, комбат Жуков?

– Да, товарищ командир.

– Что ж, чтобы закончить с моральной стороной вопроса, скажу: я бы поступил так же. Только роту не оставлял бы. Смысла держаться за старую позицию, хоть и обустроенную, нет никакого, а у тебя каждый боец на вес золота теперь. Обратите внимание, товарищи курсанты, Иван совершенно правильно вычленил главное – транспортный узел. Да, с большой степенью вероятности батальон, ставший костью в горле наступающих, будут уничтожать с яростью и всеми доступными средствами. Сколько он продержится против пехотной дивизии? А против двух, трех? Но у корпуса появится реальный шанс избежать окружения. Успеют ли батальон деблокировать? Тут все будет зависеть от решительности командующего и от наличия подвижных резервов.

И на сладкое. В зависимости от того, насколько успешно будет действовать корпус, вас, если, конечно, выживете, могут как наградить, так и под трибунал отдать, сделав козлами отпущения. Но я бы поступил так же. К слову, у немцев тактика оставлять в узлах коммуникаций гарнизоны, подготовленные к осаде, получила название *festung*, дословно крепость.

Так, значит с этим эпизодом разобрались. Поехали дальше. Жук, новая вводная. По радиосвязи удалось связаться с корпусом, командующий одобрил твои действия и обещает прислать подкрепление. Также тебе передали, что, по данным разведки, в рядах наступающей пехоты замечены самоходные штурмовые орудия «Штуги».

Командир протянул Ивану листок.

– Вот план железнодорожной станции и прилегающей местности. Садись, думай, а мы пока с остальными товарищами комбатами разберемся.

И понеслось... Подкрепление подходило то к нашим, то к немцам, Иван вертелся, как уж на сковороде, отбивая бесчисленные атаки на станцию, а Командир, казалось, только входил во вкус.

Когда поздно вечером «комдив Жуков», а он к тому времени, если считать по совокупности находящиеся в его подчинении части и подразделения, командовал как минимум дивизией, услышал: «Думаю, достаточно», то просто обмяк, чуть не свалившись со стула.

– Сомлел парень, уж больно ты на него насел, Виктор.

– Нормально, ничё он не сомлел, вон глаза живые. Утомился просто малость с непривычки.

– Слушай приказ, комбат. В столовую, а потом спать. И, Рашид, дай ему кого-нибудь в сопровождение.

Сил удивляться у Ивана уже не было.

Очнулся Жук, когда они с Баром уже подходили к грузовику. Оказалось, Константин все это время тактично молчал, не мешая Ивану думать.

– Бар, как думаешь, скоро поедет?

- Да.
- Что это ты так уверен?
- А ты назад глянь.

Иван обернулся, по полю по их следам топали три темных фигурки. Жук с Баром не сговариваясь замахали руками. Призыв был принят и верно понят, фигурки одна за другой перешли на бег.

Пока ехали, выяснили, что поразить врага смогли только трое, включая Ивана, и всех троих условно уничтожил второй танк. Впрочем, курсанты пришли к единодушному выводу, что посредники танкистам подыгрывали.

Так за разговорами и доехали. А потом Ивана взяли в оборот.

– Так, комбат Жуков, – довольный, как стыривший сосиску уличный кот, Макей перехватил Ивана на выходе из столовой, – как сказано в Писании, по делам и воздаяние, дуй к комиссару.

- Зачем?
- За надом! Там все узнаешь. Ты еще здесь? Бегом!

Вообще, Иван уже привык к тому, что инструктора обожают нагнетать. Нет бы просто сказать, зачем он понадобился Комиссару, будут нервы мотать до последнего. Вины за собой он не чувствовал, да и не зря же Макей его «комбатом» назвал, значит, вызывают в связи с этими недавними «тактическими играми». Хорошо или плохо он тогда отыграл? С теми, кто играет плохо, разговор короткий, а на него вон сколько времени потратили. Но почему к Рашиду? При чем тут партия? Нет, понятно, что партия – передовой отряд и без партии никуда. Но все-таки странно. Ладно, чего гадать, сейчас узнаю.

- Вызывали, товарищ комиссар?
- Пригласил. Проходи, садись. Чай будешь?
- Нет, я только что из столовой.

– Тогда сразу к делу. Товарищи тебя уважают, наставники тоже хвалят. Мы тут посмотрели, прикинули, желание учиться у тебя есть, да и способности имеются. Происхождение правильное. Родители у тебя из крестьян-янской бедноты, правильно я говорю?

- Да.
- Вот я и говорю, наш, советский человек. Как ты, товарищ Жуков, смотришь на то, чтобы в партию вступить?

- Кто?! Я?!
- Ты. Ох, Иван, видел бы ты сейчас свое лицо со стороны.

Комиссар откинулся на спинку стула и от души рассмеялся.

- Давай все-таки чаю попьем, а ты подумаешь пока.
- Я согласен! Чего тут думать-то.

– Вот, другой разговор. Сейчас напишешь только заявление. Мы бы с Командиром стали твоими поручителями, но по уставу положено, чтобы поручитель знал тебя не менее года. Как думаешь, в твоей части найдутся трое коммунистов, готовых за тебя поручиться?

- Наверное. Не знаю.

– Ладно, это моя забота. Сам позвоню, уточню. А у тебя сейчас другая задача, пока светло на улице. Красивая девушка тебя дожидается, наверно, извелась уже вся. Ох, ну и рожа у тебя, Жуков! Да шучу я, шучу! Не девушка, а две.

Товарищ Рашидов внимательно посмотрел на Ивана и махнул рукой, сержант от переизбытка информации, попросту говоря, офонарел.

– Сейчас иди во двор, там тебя уже ждет Мэй, китайка. Думаю, помнишь ее. Она у нас фотограф, сфотографирует тебя. Можешь не удивляться, Командир считает, что ты не безнадежен. Если гонять как следует, есть маленький шанс человека из тебя сделать. Так вот, решили мы, авансом, так сказать, написать письмо родителям твоим, выразить благодарность

за правильное воспитание сына. Вот и фотокарточку пошлем, пусть видят, какой ты есть весь из себя бравый воин. Ну а где Мэй, там и Юи рядом, уж будь уверен. Задача ясна, боец?!

– Да!

– Через час жду тебя снова у себя, биографию свою напишешь, ну и побеседуем.

Глава 2

Фотосессия

Наверное, будь новость одна, причем любая, Иван прыгал бы от радости и приплясывал. А вот сейчас они каким-то образом уравнивали друг друга, ну или просто перегрузили те участки мозга, которые отвечают за эмоции. Во двор, во всяком случае, курсант Жуков вышел совершенно спокойно.

А потом увидел Мэй.

Девушки сидели на квадроцикле, именно на, оккупировав широкий капот. Грызли яблоки и болтали ногами. Правда, в этот раз одетые не в комбинезоны кричащих расцветок, а в обычную одежду: тулупчики, теплые стеганные штаны, валенки. Все было подогнано по фигуре, а тулупчики даже имели красно-золотую вышивку в виде иероглифов.

– Мэй, смотри, вон стоит, лыбится. Дурачок, наверное.

– Нет. Это он нас рад видеть. Пусть улыбается, главное, чтобы снова из ружья не целился, как прошлый раз.

– Так это он тебя убить хотел! То-то он мне сразу не понравился.

– Он просто испугался. Я без стука зашла, когда они кушали. Их всего восемь человек было, и ни одного пулемета.

– А... Тогда, конечно, правильно боялись. Но все равно не нравится. У него нос длинный.

– Юи! Ты же знаешь, у северных варваров у всех носы длинные. Зато его солнышко любит, посмотри, какой рыжий.

– Здравсьте, – Иван чуть кивнул, не отрывая взгляда от Мэй.

Китайки переглянулись и залились звонким смехом.

– Wo xiang ta zhishi zai kan ni¹², – Юи пихнула подругу в бок и лукаво прищурилась.

– Ta you meili de yanjing, zai xuri de guangmang xia faguang xiang yu¹³.

– Yushi lubao shi women dui bianfu jingang lang shuo shime?¹⁴

– Zhenxiang. Ta he na ge nanhai de yingguo tonghua gushi li de she yiyang pingjing¹⁵.

– Ni zhuru aihe liao ma xiao meimei zai qingwa!¹⁶ – Юи повторно толкнула Мэй локтем в бок и захохотала.

– Wo yao sha liao ni!¹⁷ – возмущенная Мэй заколотила кулачками по спине все еще хохочущей подруги.

– Девушки, может, вам помощь какая нужна?

Девушки замерли, а потом медленно и синхронно повернули голову в сторону Ивана, во взгляде обеих отчетливо читалось: «Оно разговаривает?»

– Лягушонок, между прочим, убил тигра!

Змейкам не нужно было даже перемигиваться, чтобы затеять очередную авантюру. Они понимали друг друга с полуслова, и Юи с ходу включилась в новую игру.

– Старый Тигр слопаёт сотню таких лягушат и даже не почешется.

– Черный Дракон видит в нем силу. В будущем он может стать вожаком стаи!

– Если помощь не нужна, я пойду. У меня занятия еще.

¹² Мне кажется, он смотрит только на тебя (*кит.*).

¹³ У него красивые глаза, горят, как нефрит под лучами восходящего солнца (*кит.*).

¹⁴ Нефриты, изумруды. Что мы скажем Битой Росомахе? (*кит.*)

¹⁵ Правду. Он спокоен, как змей из той английской сказки про мальчика, воспитанного волками (*кит.*).

¹⁶ Уж не влюбилась ли ты, сестренка? В Лягушонка! (*кит.*)

¹⁷ Я тебя убью! (*кит.*)

Только сам Иван знал, чего стоило ему сказать эти слова и повернуться к китайкам спиной.

– Стоять!

– Стой! Лови!

Перехватить брошенное яблоко Иван успел в самый последний момент. А девчонки как ни в чем не бывало уже махали ему руками.

– Пошли быстрее! Чё ты застыл, нам ехать надо!

– Я Юи Мэнчжоу, а она Лин Мэй. Можешь звать Юля и Мэй, нас так все зовут.

– Иван Жуков, можно Жук. – Подошедший Иван осторожно пожал протянутые ладони, изо всех сил пытаясь абстрагироваться от близости к Мэй.

– Вставай вон на площадку за сиденьями и крепко держись вот за эти штуки. Крепко! Времени мало, так что я из-за тебя не собираюсь как хромая улитка ползти. И на вот, очки надевай.

Иван едва успел вцепиться руками в поручни, как квадроцикл сорвался с места. Жуков хотел спросить, куда они едут, но чуть не захлебнулся потоком воздуха. Пришлось ехать молча, хорошо хоть благодаря очкам не нужно было закрывать глаза.

Долетели вмиг, а если точнее, то через пять минут квадроцикл уже стоял у главного вещевого склада.

– Значит, так, – Юи придирчиво оглядела Ивана с ног до головы, – форму тебе должны были приготовить, иди переодевайся. Потом решишь, как фоткаться будешь.

– Куда идти? Как фоткаться?

– Оиййй... – девушка сморщилась, как будто разжевала лимон. – Ну что ты непонятливый какой. Вот уже тебе руками машут.

Иван обернулся, на самом деле из ангара уже вышли несколько человек и поспешили к ним. Не успел курсант Жуков удивиться такому энтузиазму, как за спиной взревел мотор, и квадрик, обдав его снегом из-под колес, стал стремительно удаляться. Энтузиазм встречающих как ветром сдуло, но шедший первым здоровенный мужик не остановился и, подойдя к курсанту, протянул такую же здоровенную ручищу.

– Сидор.

– Жук.

– Ну пойдем, Жук. Форму я тебе приготовил, все как полагается, полный комплект.

Зайдя на склад, который внутри из-за стеллажей с добром, уходящих в бесконечность, показался Ивану достаточно тесным, Сидор шуганул компанию складских работников.

– Хорошие парни, горячие, работающие, но уж больно до женского полу охочие. Все разговоры о бабах: как до службы у кого было да как потом все невесты их будут. Врут, мама родная, заслушаться можно. – Сидор прижал руку к сердцу и посмотрел куда-то в низкий потолок. – У тебя награды какие есть? – Сидор резко остановился и сверху вниз строго посмотрел на Ивана.

– Только значок «Ворошиловский стрелок». – Жук даже немного опешил от того, с каким напором прозвучал вопрос.

– Этого добра у нас имеется. – Главный кладовщик так же резко зашагал дальше, вынуждая Ивана догонять его чуть ли не бегом.

В малюсенькой отгородке, которую Сидор, вероятнее всего, использовал как кабинет, сержанта Жукова ждал полный набор формы красноармейца, начиная от сапог и фуражки и заканчивая уставными флягой и сумкой с противогоазом.

На выходе Сидор еще раз пожал Ивану руку.

– Как закончите, жду назад, так что ты там поаккуратней. Любая вещь – она бережения требует. Ну и девочкам отдельное спасибо передай, что покатались, пока ты тут.

И видя недоумение на лице Ивана, добавил:

– Ты передай, они поймут.

Долго ждать Ивану не пришлось: оказывается, квадроцикл описывал кренделя метрах в ста от склада, и девушки держали выход под контролем.

– Выбрал, как фоткаться будешь?

– Не успел. А как можно?

– Можно рядом с танком, рядом с пушкой и просто на фоне чего-нибудь. Оружие любое из того, что у тебя было до приезда сюда. Ясно?

– А с вами можно?

– Нет.

– Не расстраивайся, дело не в тебе, а в нас. Мы секрет, – Мэй похлопала Ивана по плечу, не догадываясь, что чуть не отправила парня в нокаут.

– Почему секрет? А что вы тут вообще делаете?

– То же, что и ты! Учимся... воевать! Хватит вопросов, Лягушонок! Ты выбрал?

– Почему это я лягушка?! – Иван скрестил руки на груди, всем видом показывая, что с места не стронется, пока не услышит ответ.

– Не лягушка, я лягушонок-почемучка.

– Ну, Юи, что ты его дразнишь! Давай расскажем! То, что можно.

– Ладно, вставай. Сейчас поедem тихо, место выберем. По пути поговорим. Сфоткаем тебя по-разному, потом посмотрим, что выйдет.

– А можно меня на фоне «Союз-Аполлона»?

– Нет. Фотография должна быть сделана так, чтобы даже теоретически исключить возможность идентификации местоположения, где она была сделана. Ясно?

Иван, смотрящий на профиль Мэй, которой пришлось сесть вполоборота к нему, закивал.

– Что тебе ясно?

– Нельзя.

Квадрик вильнул, но сразу выровнялся.

– Сестренка, говори с ним попроще, а то я от смеха в дерево въеду.

– Хорошо, сестренка. Так что ты там спрашивал?

– Почему я лягушка?

– Не лягушка, а Лягушонок. Потому что Лягушонок стал вожаком стаи.

– Какой стаи?

– Волчьей, какой же еще.

– Мэй! Прекрати! Я тебя высажу!

– Слушаюсь и повинуюсь, о великий водитель четырехколесной шайтан-арбы.

– Ах ты коварная! Пользуешься тем, что у меня руки заняты!

– Всё! Всё! – Мэй одновременно подняла руки вверх и умудрилась подмигнуть Ивану. –

В Индии есть сказка про мальчика, которого воспитали волки. И которого хотел съесть злой тигр. Пока мальчик рос, волки и другие живущие в джунглях звери: змея, медведь, пантера, – защищали его от тигра. А когда мальчик вырос, то сам убил этого тигра и стал вожаком стаи. Ясно?

– Да. А вы всем курсантам такие прозвища придумали?

Квадроцикл встал как вкопанный, и только маленькая скорость позволила Ивану удержаться ногами на площадке.

Мэй выпала из квадрика на снег и, лежа на спине, била ногой в колесо. Юи легла на руль, плечи ее, казалось, содрогаются от рыданий.

Вбитые инструкторами рефлексy – в любой непонятной ситуации готовиться к нападению – просто кричали: к бою! Ивану стоило огромных усилий не взяться за винтовку и не упасть в снег, выискивая цели. Спасло, наверное, осознание того, что девушки тут существуют

как-то наособицу. И веселятся они с момента знакомства с Иваном не переставая. Представить мешающего им инструктора у Жукова не получалось.

– И что я такого смешного сказал?

– Если каждой заготовке прозвище давать, поломается мозг. – Юи отлипла от руля и протянула руку встающей Мэй.

– Ты, Ваня, не обижайся, это не наши слова. Это Командир сам сказал, – Мэй неодобрительно посмотрела на подругу.

– Юи, ну что ты, он не так говорил. Он сказал: «Те инструктора, кто не прошел реальные боевые действия, не думайте, что вы сейчас настоящие хищники, которые смогут порвать кого угодно. Сколько бы вы ни учились убивать себе подобных, сколько бы ни побеждали противника в учебных схватках, вы всего лишь заготовки. Надеюсь, достаточно качественные, но заготовки. И только реальный бой, где на кону стоит жизнь против жизни, покажет, чего вы стоите на самом деле. Ну а по-настоящему матерыми волчарами вы станете не сразу. И не все. Вот когда за плечами будет десяток таких схваток, когда врагов, да не молокососов из пехоты, а серьезных парней навряде британских командос, отделение-другое, а вы все еще в строю, вот тогда да, значит, не зря я свой хлеб ел, значит, вырастил настоящую стаю хищников, беспощадных к врагам Советского Союза».

– Слышал, что сестренка сказала? Инструктора, кто войну не прошел, – заготовки. А что уж про вас, курсантов, говорить. Да и не знаем мы никого из вас. Тебя вот первого Командир выделил.

– Если с этой стороны посмотреть, то оно, конечно, так. Но все равно, Лягушонок как-то не очень звучит.

– Да ты не бойся, Иван-Жук, мы твоим не расскажем. Мы умеем хранить секреты. Скажи, сестренка.

– Юи правду говорит, очень хорошо умеем. А ты знаешь, что символизирует жук в Китае? Иван, приободрившийся обещанием, что это глупое прозвище не узнают остальные, яростно замотал головой.

– И я не знаю, – рассмеялась Мэй, показывая ему язык.

– А я думал, вы всё знаете.

– Всё не знает никто. Но мы очень информированы в пределах своей компетенции. И мы любим учиться. Да, Юи?

– Да. Ты вот любишь читать?

– Конечно! Я пытался брать книги в библиотеке, но честно, сил не хватило надолго. Гоняют нас тут сильно.

– Гоняют. Всех гоняют. Смотри, Мэй, вон вроде шикарное место. Елки, солнце как раз падает как нужно.

– Да. Вполне подойдет, сворачивай.

– Если есть вопросы, спрашивай сейчас, пока тут фотографировать будем, потом уже не сможем отвечать.

– Почему?

– Увидишь.

– А кто такой старый тигр, который слопает сто таких, как я?

– Вставай вон к той елке и старайся не топтать, чтобы снег красиво лежал. Старый Тигр – это мастер Лю.

– Я думал, Пласт. А почему старый? Вроде ему не так много лет.

– Мастеру Лю почти восемьдесят. Он откуда-то с Тибета, там все долгожители.

– Так, ты Мэй слушай, но не замирай. Смотри на меня и улыбайся. Чё ты застыл? Да не как дурак улыбайся, нормально! Плечи расправь, грудь вперед. Куда ты смотришь?! Никуда Мэй не денется! На меня смотри! Плечи! Эх, дать бы тебе сейчас палкой в лоб! Чего ты вин-

товку тискаешь как девку! Прицелься! Да не в меня, идиот! В небо целься, представь, что по самолету стреляешь. Вот... так... чуть выше... левее чуть... вот. Готово. Вроде снято.

– Уф, я аж взмок.

– Стой! Куда ты пошел?! Зато будешь на человека похож. Все крестьянки в деревне твои будут, как фотокарточку увидят. Давай вставай на одно колено, боком ко мне и целься в лес. Вот, молодец, спину прямой. Всё, готово!.. Теперь вставай лицом ко мне, винтовку к ноге. Подбородок чуть выше, грудь вперед! Да не застывай ты. Расслабь лицо. Мэй, сестренка, зафигачь в него снежком, что ли... Есть! Всё, топай сюда.

– Ух, не думал я, что это так тяжело.

– У вас поговорка есть: «Без труда не выловишь и карпа из пруда».

– Это да. А что у тебя за фотоаппарат такой интересный?

– Это... Смотри никому! ФЭД-С, но чуть доработан для военных топографов, ну и еще может кому пригодиться. Таких сейчас в Союзе хорошо если несколько десятков.

– Ну да, и вам доверили...

– Если тебе не интересно, то я ничего больше говорить не буду! – Мэй надула губки и отвернулась.

– Интересно! Очень!

– Что-то незаметно.

Иван на секунду остановился, соображая, как можно показать, что ему очень, ну очень интересно.

– Клянись, что вообще все, что мы тут рассказываем и уже рассказали, останется только между нами. Вообще никому!

– Клянусь! Хочешь, землю есть буду?

– Ты землю сейчас полчаса ковырять будешь. Будем считать, что мы тебе поверили. Спрашивай.

– А Пласт тогда кто, если не тигр?

– Медведь. Если уж из вас тут воспитывают волков, то Пласт – медведь по имени Балу.

Учитель и защитник Маугли.

– Маугли?

– Это так лягушонка зовут.

– Ясно. А кто тогда змея?

– Питон по имени Каа. Это наш доктор.

– Айболит?! Почему?

– Прочитаешь – узнаешь. Садись давай. Погнали к танкам.

Хорошо, что погнали они весьма и весьма условно. Так что у Ивана еще оставалось время задать несколько вопросов.

– А Командир кто? Слон? Или лев?

К удивлению Ивана, девушки не засмеялись, а Мэй ответила очень серьезно:

– Он нечто большее, чем просто тот, кто в сказке учит человеческих детенышей становиться волками.

– В Поднебесной империи, откуда мы родом, уже много тысяч лет существует высокое искусство определять характер человека по его тотему. И мы, как девушки благородного происхождения, разумеется, тоже этому обучались.

– Так вы дворянки?

– А для тебя это так важно?

– Нет. Сам товарищ Ульянов¹⁸ был из дворян, да и многие другие товарищи из его соратников. Главное, вы здесь, значит, за советскую власть.

¹⁸ Ленин.

– Хорошо. Так вот, мы что ни на есть самые настоящие принцессы.

– Рот закрой, ворона залетит.

– И ты клялся, что никому!

– Да я могила! Честное комсомольское!

– Ладно. Так ты будешь про Командира слушать?

– Конечно!

– Он – Черный дракон с красными крыльями.

– Кто?! – Иван покрепче ухватился за поручни, но от других реплик воздержался.

– Дракон. У нас считается, что дракон – символ мудрости, могущества, он обладает огромной энергией и управляет явлениями природы. Желтый император на исходе жизни обратился в дракона и взмыл в небеса. Разумеется, если бы дело было в Поднебесной, дракон был бы золотым и без крыльев. Но русский дракон служит Красному императору, поэтому у него красные крылья феникса.

– Какому еще красному императору?

– Ой-й. Ну, Советскому Союзу. В данном случае тут можно поставить знак равенства. Ты же не будешь спорить, что цвет Советского Союза – красный?

– Не буду.

– Красный цвет символизирует юг и радость жизни. Красному цвету соответствуют солнце и огонь, то есть созидательная энергия и стремление человека вверх, к самосовершенствованию. Красный – это радость. У нас, например, невеста надевает красные наряды. А – Огненный император Янь-ди научил людей растить хлеб.

– А феникс символизирует красоту, возрождение и вечный цикл жизни.

– Так это же прям про нас! Про коммунизм! И Советский Союз возродился на обломках царской России, чтобы нести радость и счастье всему мировому пролетариату!

– Черный дракон – Сюаньлун – на красных крыльях поднимется к самому солнцу, и для него не будет дела, которое он не смог бы совершить.

– А почему черный-то? Мрачноватый цвет, – нашел в себе силы спросить Иван, пораженный величием и масштабностью открывшегося перед ним неизвестного ранее мира.

– Это у вас! У нас цвет траура – белый. А черный цвет – это символ севера, металла и зимы. А также черный символизирует познание и ученость, углубление в непознанное. В Китае считается, что черный цвет произошел в процессе горения и образования сажи, из которой потом стали делать чернила. Ясно?

– Но разве Командир – ученый?

– А ты думаешь, все его дела – вас, балбесов, учить?! – Рассерженная Мэй засверкала глазами и даже притопнула ногой.

Иван так и думал, вернее, до этого момента вообще не задумывался, чем занимается Командир, когда не проводит занятия с ними. И вообще, почему большую часть времени проводит вне базы.

Но сейчас все кусочки мозаики, все странности, все шепотки, все то новое оружие, которое еще не успело поступить в войска, но уже было у них, все картины с абсолютно фантастическим сюжетом никак не могли сложиться в цельную картину в голове Жукова. Все, что приходило на ум Ивану, было как-то мелко для той исполинской личности, что нарисовали перед ним китайские принцессы. Так что оставалось только не ломать голову, а идти по линии наименьшего сопротивления.

– Конечно, не думаю. А какой дракон Комиссар?

– Хитрец! Ха, Юи, ты видишь, он тему меняет.

– Он не видит картину целиком, чего ты хочешь. Комиссар не дракон, он Битая Росомаха.

– Росомаха по характеру боец, она никого не боится, а вот с ней связываться опасаются и волки, и рысь. Да росомаха и перед тигром не отступит.

– Это да. Наш Комиссар такой.

– Подъезжаем. Помни: о чем говорили – ни слова.

– Хорошо. Последний вопрос. А Сидор кто? Он вам спасибо передавал за то, что сразу уехали.

– Сидор – барсук. Как все крупные, сильные люди, он добрый и вполне доволен жизнью. А спасибо... – Мэй чуть усмехнулась, – просто в прошлый раз несколько его работников полезли нас шупать, чем нанесли ущерб достоинству наших императорских высочеств. Наивные пастухи думали, что всего лишь двукратный численный перевес дает им какие-то шансы. Пришлось сломать пару конечностей, чтобы они поняли всю глубину своих заблуждений. Потом Сидор, его, кстати, Архип зовут, им добавил, и двух самых наглых перевели в другую часть за драку.

– Правда, нам тоже тогда влетело. Сильно.

– Да. До сих пор, как вспомню, мурашки по коже.

– А...

– Всё, потом. Приехали.

Иван и сам видел, что приехали. Народ отвлекался от своих дел и шел навстречу квадроциклу.

Уже через несколько минут Жук убедился, что поговорить тут действительно не получится при всем желании. Их сразу обступили и закидали девушек приветствиями и вопросами. Китайнок здесь знали и прекрасно к ним относились. На фоне какой техники фотографировать Ивана, выбирали уже всем коллективом.

В итоге сержант Жуков позировал сначала на фоне 76-мм пушки Ф-22, а затем на фоне танка, про который следует сказать особо.

На корпус танка БТ-2 поставили стальной короб, внешне имитирующий башню танка типа КВ-2 с 122-мм стволом от гаубицы обр. 1909/37. Уродец мог кое-как двигаться, а большего от него и не требовалось. Зато на такой огромной башне поместилась надпись, поясняющая, что танк принадлежит 167-й отдельной тяжелой танковой бригаде «Красный Дональд», и рисунок забавного утенка, одетого в матросскую куртку и красную бескозырку.

В общем, справились довольно быстро, хотя Юи приходилось постоянно отвлекать на себя мужское внимание, давая Мэй возможность нормально работать.

Не успел квадроцикл отъехать от ангара с техникой и ста метров, как Мэй сделала Жукову предложение, от которого невозможно отказаться.

– Иван, а ты еще не видел четвертую часть комиксов про Чуви Чубайса?

– Нет, – Иван мгновенно сделал стойку на такой потенциально многообещающий вопрос и не ошибся.

Следующий вопрос Мэй превзошел его самые смелые ожидания.

– Хочешь, сюжет расскажу, пока едем?

Хочет ли он! Иван чудом не свалился с квадроцикла, чуть подпрыгнув на месте.

– Конечно хочу!!!

– Ты помнишь, что никому?

Иван на секунду задумался, хватит ли ему силы воли не поделиться с товарищами. Впрочем, завтра уже февраль, значит, день, максимум два, и очередная часть комикса будет доступна для ознакомления и обсуждения.

– Помню. Буду молчать.

– Хорошо, тогда слушай. Когда японцы делали своих оборотней, они сначала сделали несколько неудачных, на их взгляд, версий человекозверей. Разумеется, их уничтожили, но не всех, четверем детям с геном грифовой черепахи удалось спастись. Брошенные в мешке в море малыши не захлебнулись, а сумели выплыть и были подобраны японским рыбаком. Рыбак продал их старому корейцу, хозяину цирка уродов. После нескольких лет цирковой жизни,

полной всяческих унижений и лишений, подросших ребят случайно увидел странствующий тибетский монах и выкупил их у корейца.

– Охренеть! А что значит «с геном грифовой черепахи»?

– Значит, внешне они были наполовину люди и наполовину черепахи. Увидишь, короче.

И способности у них разные были черепахи.

– Понятно. Поэтому, значит, и не утонули.

– Да, слушай дальше. Монах оказался, во-первых, разведчиком Коминтерна. И! Держись крепче, а то упадешь. Во-вторых, духом-оборотнем.

– Кем-кем?

– Духом-оборотнем, – чуть не по слогам повторила Мэй. – Он тотем давно исчезнувшего тибетского племени воинов, которые с изначальных времен могли оборачиваться барсами.

– Вот ни фига себе.

– Не перебивай. Монах вырастил черепашек и раскрыл им многие секреты воинов-баров. А потом через горный массив Тянь-Шаня они пешком перешли в Советский Союз, чтобы там на секретной базе, вырубленной прямо в Ваханском хребте, почти на границе с Афганистаном, научиться владеть огнестрельным оружием и другими современными средствами ведения войны. В итоге на Дальний Восток они уже прилетели слаженной боевой группой. Алеша – снайпер, Илья – ракетометчик, Никита – автоматчик и медик, Добрыня – командир группы и подрывник...

По разведанным, которые смогли передать Гаечка с Отверткой...

Только сейчас до Ивана дошло, что китайские разведчицы в комиксах не какие-то абстрактные, а имеют два вполне реальных прототипа.

– ...Советскому командованию стало известно, что на территории Магаданской области, в заброшенном золотом руднике, японцы создали перевалочную базу для своих упырей.

На поиски этой базы были брошены десятки групп из самых опытных сотрудников НКВД, пограничников и местных охотников. Через некоторое время прекратилась связь с тремя группами, ведущими поиск на Колымском нагорье в районе истоков реки Омолон, и туда послали наших черепашек-пластунов.

Черепашки благодаря звериному чутью обнаружили засаду и сами взяли в плен офицера-упыря. Затем, благодаря древней, утраченной остальным человечеством технике ментального зондирования, они узнали точные координаты рудника, где японцы устроили базу. Сначала сунулись сами, но, издали оценив систему обороны, вызвали подкрепление.

В течение недели дошли своим ходом и были переправлены на дирижабле «Революционер» три стрелковых батальона РККА, сводная рота пограничников, рота НКВД, тринадцать 76-миллиметровых горных пушек, четыре новейших тяжелых броневедомола БА-11 и, главное – тридцать два танка БТ-7.

Комбинированным ударом пехоты, артиллерии и танков наши довольно быстро сломили сопротивление японцев и вышли к самому руднику, хотя и потеряли около десятка БТ-7 на минах. Но ворваться внутрь шахты пехота не смогла, остановленная сильным пулеметным огнем. Тогда командование принимает решение выкатить пушки на прямую наводку и в упор расстрелять огневые точки.

– То есть японцы на выходе доты поставили? Тогда правильно. Иначе там всех положить можно.

– Ты будешь слушать?! Правильно! Неправильно! Нашелся тут стратег на мою голову.

– Молчу!

– Вот и молчи. Пока наши пушки долбили вход в базу, в стороне от наступающих, пробравшись по запасному туннелю, вылезли японцы и начали расстреливать советские танки из гиперболоидной переносной установки. На наше счастье, находящаяся в резерве группа черепашек-пластунов облюбовала себе место поблизости и заметила неприятеля. Но все равно из-

за того, что японцы расстреливали стоящие танки практически как на полигоне, да еще в боковую проекцию, они успели уничтожить восемь машин, прежде чем были ликвидированы.

Спустившиеся по найденному лазу черепашки с ходу обезвредили пост охраны и сумели взять живым японского унтер-офицера. От него, применив ментальное зондирование, и получили совершенно невероятную информацию. Оказалось, что под Колымским нагорьем существует разветвленная сеть ходов, соединяющая десятки подземных опорных пунктов, лабораторий, складов и даже несколько химических заводов. И все это создавалось как минимум пятьдесят лет, то есть рыть японцы начали еще в конце прошлого века.

Иван присвистнул, но от комментариев воздержался.

– Уничтожив еще несколько постов и постоянно двигаясь вниз, черепашки вышли к перекрестку, находящемуся на несколько уровней ниже того места, где сейчас шел бой. Тут из-за количества охраны пришлось пошуметь. Нужно было немедленно уходить, и черепашки выбрали туннель, из которого отчетливо тянуло морем. Двухметровый в поперечнике, он под небольшим уклоном уходил вниз, постепенно заполняясь мраком, по дну туннеля были проложены рельсы, и в наличии имелось что-то типа пассажирской вагонетки с примитивной системой управления.

На выбор направления повлияло и то, что из противоположного туннеля вылетела дымовая шашка, мгновенно наполнив помещение химической вонью. Запрыгнув в это чудо железнодорожной техники, бойцы отжали тормоз и, с каждой секундой набирая скорость, покатали во мрак неизвестности. Примерно через час, отмахав по подземной железной дороге около семидесяти километров, вагонетка влетела в огромную кучу угля. Оказалось, они приехали к подземному причалу, и как раз сейчас там загружалась небольшая, похожая на бочку подводная лодка.

Добрыня предположил, что такая лодка не переплывет море, и ее где-то в наших водах ждет корабль-матка. Значит, нужно атаковать и захватить, стараясь не убить ключевых членов экипажа. Думаю, тебе понятно, что матросы оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление такой разведгруппе не смогли?

– Если их обучали не хуже, чем нас, разумеется.

– Не хуже. Остатки команды и штурмана ментально заставили плыть к кораблю-носителю. Который, между прочим, также оказался гигантской подводной лодкой. Бочкообразная лодка оказалась чем-то вроде грузовой баржи. В Советский Союз она привезла какие-то биологические материалы, про которые ничего не знал даже капитан, а вот назад они вывозили золотой песок. Планировалось загрузить ровно тонну, но сейчас на борту находилось всего четыреста девяносто килограммов драгметалла.

«Вот уроды узкоглазые», – подумал Иван. Перевел взгляд на Мэй и, хотя ее глаза казались ему самыми красивыми на свете, сделал в мозгу зарубку не употреблять в будущем это ругательство.

– Заплыв в стыковочный отсек подлодки «Фудзи» и дождавшись, когда уйдет вода, черепашки стремительно атаковали экипаж. И хотя первоначально им сопутствовал успех, специфика подводной лодки подразумевает множество герметично закрывающихся переборок, группу довольно быстро блокировали. К несчастью для экипажа «Фудзи», это был торпедный отсек. Обе враждующие стороны застыли, боясь нарушить хрупкое равновесие.

А потом японцы предложили беспрепятственный проход на скоростную лодку-малютку и гарантии, что не будут преследовать. Наши сделали вид, что поверили, и попросили время на подумать. Японцы согласились.

Внутри торпедного отсека четыре потных, раздетых по пояс бойца устанавливали взрывчатку, молясь, чтобы ее хватило проделать достаточно большую дыру в десяти миллиметровом стальном корпусе лодки, отделяющем их от океана, и не хватило, чтобы детонировали торпеды, которые разнесут весь отсек на молекулы. Молились, чтобы лодка не опустилась еще ниже тех

ста метров, на которых они состыковались. А еще лучше, чтобы подвсплыла хотя бы до пятидесяти, давая им лишний шанс не быть раздавленными океаном.

Снаружи отсека в рубке управления капитан подводного линкора «Фудзи» адмирал Ясука Ямаса, одетый в парадную форму, с красными пятнами на лице, чувствовал, как по спине течет холодный пот. Сейчас он даже не брал в расчет тот позор, которым он покрывает всю семью и всех славных предков, если допустит повреждение флагмана Японского подводного флота.

Этот поход к берегам северных варваров был, по сути, последними ходовыми испытаниями перед воистину судьбоносной миссией. Миссия, которая раз и навсегда определит главенствующее место Японии во всем мире. Миссия, которая ниспровергнет все «цивилизованные» нации в их истинную, дику, звериную сущность. Его корабль, его детище, должен обогнуть Евразию и в Средиземном, а еще лучше Балтийском море, выпустить аэрозоль с вирусом. На худой конец подойдет любое другое место подальше от родных берегов. Дальше вирус все делает сам: он заставит людей случайным образом мутировать, добавляя им генный набор тщательно подобранных животных, и высвободит худшие, самые агрессивные инстинкты, начисто стирая любые поведенческие ограничения. Вторая миссия будет к берегам Америки, ну а потом никто и ничто не сможет помешать победоносной поступи армии императора. Наоборот, те жалкие остатки человечества если и останутся, то встретят их как освободителей и истинных хозяев.

А сейчас весь тщательно спланированный и десятилетиями лелеемый план может, как говорят эти ненавистные русские дикари, «полететь к черту». Из-за жалких червей, засевших в торпедном отсеке его корабля, которых, по рассказам выживших, даже меньше десятка. Из-за труса Куки Муки и всей его трусливой команды, набранной из отбросов, которые привели червей на его корабль. Хотя, может, и не врут, что эти северные демоны отдавали им мысленные приказы, которым было нельзя противиться. Все-таки все как один испросили дозволения сделать сэппуку. Но тогда казнить их нельзя, а нужно доставить их домой, ученым на опыты.

Но главный виновник – жадность адмирала Тото Нетото из штаба флота. Из-за каких-то жалких десяти тонн золота они задержались в этих демонами проклятых водах. И сейчас наперегонки со временем техники ведут воздуховод, чтобы подать в вентиляционную систему торпедного отсека ядовитый газ. Дело осложняется тем, что нельзя шуметь, и самой конструкцией отсека, который специально сделали максимально автономным и даже поставили специальные броневые отражатели, чтобы в случае самоподрыва торпед взрывная волна ушла в океан. Главный конструктор заверил адмирала, что в этом случае повреждений, конечно, не избежать, но они не будут фатальными. И чем меньше будет глубина погружения, тем меньше будут и повреждения корабля. Поэтому вторая гонка, которую вел адмирал, была с глубиной. Лодка всплывала и на всякий случай шла на мелководье. Прижиматься вплотную к Камчатке не хотелось. Но эти черви в торпедном! Оказаться на большой глубине с развороченным корпусом хотелось еще меньше. Да и край дикий даже по русским меркам, медведя встретить намного проще, чем человека.

Показалась крыша штаба, и квадроцикл плавно остановился.

– У тебя еще десять минут. Дослушаешь или рванем форму менять?

– Дослушаю.

– Правильно. Хорошая история должна быть рассказана.

– Мэй, а откуда вы все это знаете? О чем этот адмирал японский думал и все остальное.

Прям не комикс, а книга получается.

– А нам рассказали. Валера уехал, и рисовали этот номер сообща; наверное, хуже будет, но мы старались. Вот Командир нам и рассказал, чтобы лучше понимали, как рисовать нужно.

– Ясно.

– Так слушай дальше. Черепашки не успели, газ пустили на несколько секунд раньше. Если бы в отсеке находились обычные люди, неважно насколько хорошо тренированные, то погибли бы в ту же секунду. Но черепашки инстинктивно задержали дыхание и смогли подорвать заряд в самой дальней от торпед части отсека. Прикрыли, разумеется, торпеды всем чем можно, а сами за них спрятались, прекрасно понимая, что если будет детонация, то уж все едино.

Им повезло несколько раз. Вернее, один – когда их подобрал японский рыбак. После взрыва воде понадобилось всего пару минут, чтобы затопить отсек. А японский адмирал Ямася, услышав взрыв, scomандовал экстренное всплытие и самым полным ходом идти к берегу. Черепашки выбрались через дыру в корпусе в океан и, цепляясь за корпус, переползли-переплыли под лодкой на другую сторону.

А так как они не могли уйти, не оставив хозяевам подарка, то торпеды все-таки рванули. «Фудзи» к этому времени практически скребла днищем дно, занимая своей исполинской тушей весь тридцатипятиметровый слой воды. Взрыв мгновенно вырвал огромный кусок обшивки и спрессовал прилегающие к торпедному отсеку, но все же специальная конструкция сумела направить основную энергию взрыва в море. Лодка, частично затопленная и лишенная хода, легла на грунт в трех километрах от берега Камчатки. Крышу боевой рубки от поверхности отделяло всего три метра соленой воды Охотского моря.

Через несколько часов команда в целом выиграла борьбу за живучесть, ликвидировала пожары, обрывы трубопроводов и протечки, а у адмирала Ямасы появилось время подумать о будущем. Долг тяжел, как гора, а смерть легка, как пушинка. Сейчас нужно было думать о Японии. По докладу главного инженера выходило, что нужно не менее двух недель, чтобы силами команды починить подводную лодку в достаточной степени для подводного перехода хотя бы до Хоккайдо. Адмирал распорядился начать ремонт немедленно, но его интуиция кричала, что у них нет этого времени. Ясуке Ямаса не давал покоя первый взрыв в торпедном отсеке. Судя по крену, черви смогли проделать достаточно большую дыру в обшивке, чтобы отсек в считанные минуты заполнился забортной водой, а вот торпеды взорвались уже спустя пять минут после этого. Водолазы, обследовавшие лодку снаружи, никаких тел не нашли, но адмирал отказывался верить в то, что черви сдохли.

И он рискнул выдвинуть радиоантенну, чтобы связаться с колымским подземным центром и прояснить обстановку. Ну а те его в лоб и огорошили – красные захватили два уровня одного из опорных пунктов. Поняв бессмысленность атак, глубже не лезут, но и скovyрнуть себя не дают. Судя по всему, ждут подкрепление.

Адмирал Ямася понял, что это конец. Главной защитой всей подземной сети была секретность, теперь неважно, провозятся большевики неделю или месяц, конец будет один. Да и не так неприступны подземные сооружения, как кажутся на первый взгляд. Главное, правильно подобрать инструмент воздействия. Самое примитивное – закачивать нефть и планомерно выжигать уровень за уровнем, коридор за коридором. Да, планы на захват Дальнего Востока придется отложить на десятилетия. Если только... Если только он, адмирал императорского флота Ясука Ямася, не выполнит свой долг.

Примерно в это же время черепашки добрались до поселка Палана, где еще с тысяча девятьсот тридцатого года было радиопочтовое отделение. Не сразу, но им удалось связаться с командованием и рассказать про гигантскую подводную лодку, которая сейчас повреждена и практически выбросилась на побережье Камчатки. Разумеется, черепашки запомнили береговые ориентиры, по которым можно найти точное место взрыва. Еще рассказали, что на лодке находится несколько тонн золота, и самое главное, хоть они и не смогли захватить кого-нибудь из экипажа для ментального зондирования, но смертельно опасная аура давила так, что восприимчивым к тонким энергетическим полям черепашкам было трудно думать.

Короче, в штабе ответили, что смогут перебросить «Союз-Аполлон» не раньше чем через четыре дня, а черепашкам при содействии местного населения следует организовать патрулирование побережья, во избежание высадки десанта. И все эти дни, пока паланское ополчение ждало японский десант, адмирал Ясука Ямаса в корабельной лаборатории изготавливал смертоносный вирус. Конечно, получилось в тысячи раз меньше, чем предполагалось загрузить, все-таки лаборатория не завод.

На исходе четвертых суток «Союз-Аполлон» вышел на берег Охотского моря напротив того места, где на грунте лежала «Фудзи», и расстрелял ее из всех калибров. Сам понимаешь, для двенадцатидюймового снаряда, весившего полтонны, три метра воды не преграда. Когда первые снаряды ударили в корпус, протыкая его, как мокрую бумагу, и нанося чудовищные разрушения уже в центральных отсеках, уцелевшие японцы не стали ждать и всеми доступными способами экстренно покинули подлодку. В итоге ополчению удалось выловить из воды и взять в плен более пятисот моряков-подводников.

Только вот ни адмирала Ямаса, ни старших офицеров там уже не было. Буквально за пару часов до этого они на трех лодках-малютках, нагруженных вирусом, двинулись в сторону Пенжинской губы.

Вот на этом четвертая часть заканчивается.

– Блин, как мало! На самом интересном!

– А вам сколько ни дай, все мало. Погнали!

– Минута в минуту, молодец. – Комиссар указал Ивану рукой на стул: – Присаживайся.

И только дождавшись, когда курсант Жуков усядется, продолжил:

– Разговор у нас, Иван, будет не быстрый. Поговорим мы с тобой о коммунистах. Кто они такие и с чем их едят. И чем коммунист отличается от любого другого человека. Хочу, чтоб ты понимал, что коммунист – это бой на всю жизнь, и прежде всего бой с самим собой, со своими низменными желаниями. Как сказала бы церковь – с искушением. Но не только. На войне всегда понятно, где враг, а где свои. А вот в мирной жизни, как считаешь, будут у коммуниста враги?

– Конечно, товарищ комиссар! Да и помните, вы сами говорили: самый страшный враг коммунистической идее – внутренний враг. Собственные бюрократы, ну и, я так понимаю, те, кто к ним примажется, что-то для себя выгадывая.

– Готов ты с такими всю жизнь биться?

– Готов!

– Хорошо, а вот скажи мне, Ваня...

И в течение следующих трех часов курсант Жуков отвечал на простые и не очень вопросы, делился своим опытом, слушал рассказы Рашидова про бои с басмачами и совсем не заметил, как пролетело время.

– На сегодня, думаю, хватит, вижу, у тебя уже мозг вскипает. Давай, Иван, иди к своим товарищам. Мы с тобой еще не раз поговорим.

– Да, пойду, Рашид. Ой, извините, товарищ комиссар.

– Ничего страшного. Мы тут одна большая семья. А уж коммунисты вообще, – Комиссар показал Ивану крепко сжатый кулак. – Беги.

Далеко убежать у курсанта Жукова не получилось: дежурный обрадовал его сообщением, что сразу после ужина его ждут в спортзале. Там он и провел оставшееся до отбоя время под чутким руководством самого Богомола. Похоже, руководство посчитало, что сегодня для Ивана лучше закончить день физическими упражнениями, чем вникать в тонкости теории больших и не очень взрывов.

Впрочем, насчет индивидуальности занятия не обманули, руками и ногами Иван намахался так, что по завершении тренировки минут десять просто лежал на татами, не в силах

встать. Наверное, это было именно то, что нужно. От всех вопросов дождавшихся его парней доползший до кровати Жук просто отмахнулся и уснул, едва успев накрыться одеялом.

Глава 3

А был ли мальчик...

Москва. Кремль. Начало февраля 1941 года

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Добрый вечер, Лаврентий. Проходи, присаживайся.

Нарком внутренних дел прошел к длинному дубовому столу, обитому зеленым сукном, и, положив перед собой толстую канцелярскую папку, сел.

– Не будем терять время. В феврале прошлого года я тебе поручил собрать информацию об одном человеке и дать ответы на следующие вопросы. Кто он? Можем ли мы ему доверять? И можем ли мы доверять его прогнозам?

Нарком начал подниматься, по привычке одергивая полы кителя, но вождь махнул рукой, разрешая не вставать.

– Сидя докладывай.

– Хорошо, товарищ Сталин. Разрешите тогда, я только мельком коснусь его биографии, а подробнее остановлюсь на моментах, которые выбиваются из обычного хода событий. Если можно так сказать, на странностях майора Самойлова.

– Докладывай, как тебе удобнее, Лаврентий. Думаю, странностей на нем, как блох на дворовой собаке, вон ты сколько бумаг принес.

– Хорошо. Дело особого контроля один дробь сорок, фигуранту присвоен псевдоним «Ямщик». Виктор Степанович Самойлов, тысяча девятьсот шестнадцатого года рождения. Русский. На данный момент вдовец. Родился и проживал на самом юге Тобольской губернии. В деревне Бородинка, находящейся в сорока верстах севернее Омска¹⁹. До девятнадцати лет ничем особым себя не проявил. Парень как парень. А весной тридцать пятого у него на глазах сгорает вся его семья и семья родного дяди. Сам Виктор спасся чудом, отец его за гармонию послал.

– Так сильно горело, что никто не спасся?

– Скорее всего, поджог. Дом облили керосином, а дверь чем-то подперли снаружи. Было следствие, но виновных не нашли.

– Продолжай.

– Парня видели уходящим в лес. Но сразу не остановили, не до того было, пытались потушить пожар; потом поискали двое суток, не нашли и бросили. Решили, что рехнулся с горя, да и сгинул в лесу. Мало ли, медведь задрал или сам на себя руки наложил. Пять дней его не было.

– А сам он что говорит по этому поводу?

– Сам Самойлов рассказывал, что ничего не помнит, как в бреду был. В себя пришел километрах в десяти от деревни. Стоя в каком-то озере по колено в воде. Еле дорогу назад нашел. Но вышел удачно, прямо к дому на краю деревни, где вдовый охотник с дочкой жил. Да еще так удачно, что дочку без лишних разговоров на сеновале повалил. По словам свидетельницы, сначала чуть ли не силой уволок.

– Лаврентий, ты мне про всех, кого он валял, докладывать собираешься?

– Нет, товарищ Сталин. Но эта девушка, Екатерина Тихонова, дождалась, когда он училище закончит, и стала его женой. А уговорились они с ее отцом в тот же день. Потом Виктор навел на семью отцова двоюродного брата Афанасия. Деревенских это удивило: братья хоть и

¹⁹ В 1916 году город Омск входил в состав Акмолинской области, а вот населенные пункты севернее города уже находились в Тобольской губернии.

не враждовали, но друг друга недолюбливали. С другой стороны, парня понять можно, в одночасье остался один, тут и самому дальнему родственнику рад будешь. Для чего я так подробно рассказываю. Многие из тех, кого опрашивали мои сотрудники, отмечали, что Виктор был как полоумный. Людей не узнавал, путал имена, какие-то простые вещи забывал. Даже ходил по-другому, походка дерганая была. Лицо кривил, почти не разговаривал. Думали, окончательно с ума сошел. Но Самойлов оклемался, оставил родственникам дом со всей скотиной и – утварью, а за это попросил помочь поступить в Омскую военную школу.

– Так сгорел же дом?

– Сгорел дом дяди, Ермолая Самойлова, но и там только изба сгорела, остальное отстояли. А Степан с Ермолаем, в отличие от Афанасия, не бедствовали.

– Думаешь, это он поджог устроил?

– Не знаю. Виктор им претензии не предъявляет, даже в отпуск на родину ездил несколько раз.

– Значит, говоришь, чуть с ума не сошел, никого не узнавал, а потом оклемался. Хорошо, Лаврентий, продолжай.

– Далее учеба в Омском военном училище имени Фрунзе²⁰. На первом курсе – тихоня, молчун, который все время проводит или в библиотеке, или в спортзале, на последнем – уверенный в себе авторитетный командир. В этот временной промежуток я бы обратил ваше внимание на три аспекта. Первый как раз касается библиотеки. Курсант Самойлов очень много читал. Я бы даже сказал, феноменально много. По словам библиотекаря, с которым общался очень компетентный в вопросах дознания человек, на первом курсе Самойлов акцентировал свое внимание на периодике. Чуть ли не с карандашом в руках изучал газеты и журналы. Причем читал бегло, настолько, что библиотекаря показало, что курсант только делает вид.

– Библиотекарь ошибся?

– Да. Разговоры на тему прочитанного показали, что Самойлов действительно успевал прочитать и усвоить написанное в газетах. Кстати, еще одна странность: читал он быстро уже на первом курсе, а вот пером владел отвратительно, предпочитал пользоваться карандашами.

– Товарищ Сталин тоже предпочитает делать пометки карандашом, а не пером. Что на это скажет товарищ Берия?

Могущественный нарком на секунду сбился, не зная, что ответить на такой вопрос, но, уже достаточно хорошо изучив характер собеседника, понял, что товарищ Сталин не собирается ловить его на несоответствиях, а просто пытается прояснить не совсем понятные для себя моменты.

– Конечно, наносить пометки на полях книги и тем более на карте удобнее карандашом. Но тут немного другое. Он не научился быстро читать за первый курс, он умел это еще до поступления в училище. Его однокурсник, старший лейтенант Денников, запомнил один случай, произошедший в первую неделю учебы. Кто-то из заводил учебной роты увидел, как Самойлов уткнулся в журнал, и ради шутки сказал: «Чего про себя-то читаешь, нам тоже интересно, давай вслух». А так как у всех сложилось впечатление, что Тихоня, так его прозвали, не только говорит плохо, но и читает наверняка так же с трудом, то этот вопрос показался некоторым очень забавным. На Денникова тот случай произвел настолько неизгладимое впечатление, что он запомнил не только название журнала, но и рассказ, который читал Самойлов²¹.

Иосиф Виссарионович приподнял бровь, требуя разъяснений.

– Рассказ был фантастический, и речь в нем шла об универсальном транспортном средстве, летающем со скоростью пятьсот километров в час, плавающим под водой, умеющим, как

²⁰ С 1926 года – Омская пехотная школа имени М. В. Фрунзе. С 1936 года – Омская объединенная военная школа имени М. В. Фрунзе. С 16 марта 1937 года – Омское военное училище имени М. В. Фрунзе.

²¹ Журнал «Знание – сила», № 3 за март 1935 года. Рассказ А. Абрамова «Путешествие на геликомете».

геликоптер, взлетать вертикально. Так вот, Самойлов по ходу чтения начал делать замечания, что в этом «геликомобиле» было устроено не так. По словам Денникова, остальные курсанты попытались с ним поспорить, но логика аргументов нашего фигуранта была железной. Например, зачем вам шкапчик с едой в кабине, если скорость пятьсот километров в час? А вот аварийный запас, где не только еда, но и медикаменты и оружие, надо делать на внешней стороне корпуса, а чтоб потоком воздуха не сорвало, прикрыть обтекателем.

– Что ж, согласен, это в высшей степени любопытно. Продолжай, Лаврентий.

– Со второго курса газеты просматриваются, но уже не анализируются так тщательно. Зато появилось увлечение науками. Самойлов изучает немецкий и английский, а также, согласно читательскому билету, читает университетские учебники по физике, химии, биологии и астрономии.

– И каковы успехи у товарища Самойлова в данной области?

– Значительные. Я бы даже сказал, обескураживающие. Курсант Самойлов несколько раз выступал с докладами в Омском сельскохозяйственном институте²². Темой одного из докладов, где Самойлов был соавтором доктора сельскохозяйственных наук товарища Гая, было использование водорослей, – Лаврентий Павлович заглянул в папочку, – хлореллы и сценодесмуса в качестве кормовой добавки для скота.

– Водорослей?

– Именно так.

– И чем дело кончилось? ЦэКа первый раз слышит об этом.

– Эксперимент дал положительный результат сразу по нескольким параметрам, но руководство области проект зарубило. Аргументируя это примерно тем, что коровы не рыбы, и не хрен дурью маяться. Сейчас разведением кормовых водорослей, и весьма, надо заметить, удачно, занимается только один колхоз для личных нужд и для выращивания сеголетков карпа. Обещают года через три завалить область рыбой. Сам же Валериан Юльевич Гай отбывает срок за антисоветскую пропаганду.

– Тогда у товарища Сталина одна просьба и два вопроса к товарищу Берия.

– Слушаю, Иосиф Виссарионович.

– Просьба рассмотреть дело товарища Гая и, если можно, помочь ему.

– Уже занимаемся, товарищ Сталин. Предварительно могу сказать: есть признаки того, что следствие велось пристрастно.

– Хорошо, разберись. Первый вопрос: что показал эксперимент, насколько эффективен прикорм крупного рогатого скота водорослями?

Товарищ Берия снова открыл папочку и протянул Сталину справку.

– Изрядно. Повышение производительности на десять-пятнадцать процентов – это просто замечательно. Также хочу отметить, товарищ Сталин, что с одного гектара водоема, оборудованного для производства водоросли, можно получать до двухсот центнеров сухой биомассы. Колхозники получают около пятидесяти, но у них практически нет оборудования, можно сказать, естественный рост.

– Двести центнеров?! А пшеница менее десяти. Вы не путаете, товарищ Берия?

– Нет, товарищ Сталин. Я сам удивился и перепроверил данные несколько раз.

– Надо привлечь ВАСХНИЛ²³, ладно, это я сам. Бери дело Гая под личный контроль. Ты с ним уже беседовал?

– Да.

– Тогда второй вопрос. Каким боком тут Самойлов? Двести центнеров с гектара – это же закроет проблему голода раз и навсегда!

²² Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства.

²³ Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

– По словам Валериана Юльевича, Самойлова была только идея, заключающаяся в том, что киты вырастают до своих размеров на планктоне. И если человеку нужно и мясо, и фрукты-овощи, и зерновые, то кит все получает из планктона, в том числе кальций для костей. А значит, эта мелочь должна быть крайне полезна для организма. Да и вообще, столько водной живности питается водорослями, а в народном хозяйстве это не используется. Решили вот попробовать ради интереса. В тысяча девятьсот тридцать пятом был доклад, к которому многие отнеслись как к курьезу, а в тридцать восьмом появились первые, но однозначные результаты. После того как доктора Гая высмеяли в горсовете, он у себя в институте, совершенно не стесняясь в выражениях, высказал все, что думает о таких начальниках. Коллеги не поленились сообщить куда следует: занимается антисоветской пропагандой. Как итог – пять лет лагерей. Наказание отбывал в Алзамайском лагпункте Сиблага. На данный момент я его в Москву в следственный изолятор НКВД перевел, вдруг понадобится.

– Правильно, привези его завтра сюда, скажем, к восемнадцати часам.

– Хорошо.

– Давай дальше по майору. Про письмо в «Правду» и Мехлиса можешь пропустить, я со Львом Давыдовичем сам поговорил.

Нарком кивнул и перелистнул в папке несколько листов.

– На последнем курсе Самойлов отдавал предпочтение военной, исторической и политической литературе. «Капитал» Маркса, «История государства Российского» Карамзина, «Наука побеждать» Суворова, «О войне» Клаузевица. В общем, все, до чего смог дотянуться. Очень внимательно изучал работы Владимира Ильича Ленина и товарища Сталина.

– Похвально. Весьма похвально. Недаром в первую нашу встречу он показался мне весьма начитанным молодым человеком. Но ты, кажется, говорил о трех аспектах.

– Да, вторая странность... или даже не странность, а не знаю, как и сказать точнее. В общем, Самойлов придумал переигрывать разные исторические сражения. Сначала взяли античность. Из глины и дерева наделали фигурки древних воинов, во дворе сбили из досок короб, заполнили его песком, и вот тебе пожалуйста: несколько минут – и готов любой рельеф. Но тут самое интересное в том, что Самойлов предложил не просто игру в солдатики, а самое настоящее тактическое моделирование.

Лаврентий Павлович сделал небольшую паузу, ожидая вопроса, но товарищ Сталин ограничился кивком, и нарком продолжил:

– Команды играли, не видя расположения сил противника, а все перемещения фигурок по полю делали посредники. Что-то типа морского боя, но ход делается не по очереди, а одновременно.

– Подожди, Лаврентий. А почему нельзя было ограничиться картами?

– А как же зрители? Те, с кем мы беседовали, в один голос утверждают: от болельщиков было не протолкнуться. И преподаватели не чурались подойти посмотреть, прокомментировать решения команд. К тому же, чтобы повысить интерес, была введена система вероятности наступления событий.

Сталин опять вопросительно посмотрел на наркома.

– Они бросают кубики. Три кубика для игры в кости. И число выпавших очков определяет, чем закончилось то или иное действие. Например, два разведчика натываются друг на друга. Команды кидают кубики, и у кого выпало больше очков, тот и победил. Если выпадает восемнадцать очков, то есть три шестерки, то разведчик противника не просто убит, а взят в плен и выдал дислокацию одного подразделения. В общем, там в зависимости от ситуации разные выпадающие комбинации могут означать разные события. Скажем, выпадает три единицы – получаем самоподрыв какой-нибудь техники.

– В античности?

– Курсанты очень быстро расширили, так сказать, исторические горизонты. Битва на Сомме или высадка в Дарданеллах разыгрываются ничуть не хуже Канн. А когда курсанты где-то достали свинец и все поголовно принялись его плавить и лить модели военной техники, то пришлось вмешаться самому начальнику училища, чтобы все это хоть как-то упорядочить.

– И как сейчас обстоят дела с этой игрой?

– К сожалению, руководство училища проявило излишнее рвение и, после того как курс, где учился Самойлов, выпустился, вообще игру запретило, мотивируя тем, что, играя в такие игры, недолго доиграться и до троцкизма с бонапартизмом.

– Я думаю, товарищи погорячилось. Такая игра была бы полезна не только курсантам, но и командирам Красной армии. Нужно обсудить этот вопрос с товарищем Шапошниковым.

– Борис Михайлович сейчас занят на строительстве укрепрайонов.

– Товарищ Сталин знает, чем сейчас занимается товарищ Шапошников. Но у товарища Шапошникова академический склад ума, думаю, ему будет интересно и полезно немного отвлечься от своей стройки. Пусть вместе с Жуковым организует штабную игру типа январской, только менее масштабную, выберут подходящих командармов или даже комдивов. А мы посмотрим и решим, что делать дальше с этим начинанием. Продолжай, Лаврентий.

– Третья странность. Или просто осторожность, смотря как посмотреть. Самойлов в частных беседах с сокурсниками крайне отрицательно отзывался о Троцком, Бухарине, Зиновьеве, Каменеве. Предупреждал, что любые контакты с их последователями доведут до тюрьмы. Вообще, политические разговоры не любил и пресекал их с первого курса. Вот в общем-то и все странности за время учебы, о которых мы смогли узнать.

– А что тебе самому показалось самым необычным, Лаврентий?

– Водоросли, Иосиф Виссарионович.

Несколько минут товарищ Сталин в задумчивости прохаживался по кабинету, что-то для себя решая.

– Да, водоросли – это интересно. Если на самом деле будет экономический эффект от внедрения, то надо наградить товарища Гая. Хорошо. Продолжай.

– Следующий период – служба в ЗабВО и конфликт на Халхин-Голе. Наверное, самым невероятным можно считать то, что только что выпустившийся из училища лейтенант сумел с нуля создать подразделение, эффективно решающее задачи за линией фронта. Там были очень неблагоприятные условия, начиная от рельефа и заканчивая менталитетом японцев. Были значительные потери личного состава. Где-то были неудачные решения, недоработки. Но в целом человек без реального боевого опыта сколотил работающую структуру. И если судить по результатам, а мои люди хорошо покопались там, проанализировав боевую работу роты Самойлова, весьма эффективно работающую. Это поразительно.

– Насколько я знаю, ему создали хорошие условия для формирования подразделения.

– Да, товарищ Сталин. С материальной стороны ему очень помогали и Конев, и Штерн с Жуковым. Думаю, товарищам командующим в итоге самим стало любопытно, что из этого выйдет. Рота по меркам всего особого корпуса величина, скажем прямо, исчезающе малая. Я вот справочку подготовил, здесь разведданные, которые получили разведчики Самойлова, документы и захваченные в плен японские командиры. Особенно много их было на последнем этапе операции, когда они прорывались из окружения. Рота очень хорошо показала себя в преследовании отступающего противника.

– Давай сюда, Лаврентий, потом ознакомлюсь. У меня сегодня еще встреча с нашими радиолокаторщиками.

Нарком позволил себе чуть улыбнуться, прекрасно зная, что радиолокация – это одно из направлений, которые с упорством носорога пробивает Самойлов.

Сталин же за это время успел пробежаться глазами по первому из переданных Берией листов, хмыкнул и чуть кивнул головой каким-то своим мыслям, спросил:

– Что еще?

– Амуниция и снаряжение. Некоторые решения мы весь сороковой год обкатывали на пограничных войсках. Привлекли 98-й Любомльский погранотряд (Западный округ) и 56-й Благовещенский погранотряд (Хабаровский округ). Сейчас подводятся итоги испытаний, но уже могу сказать, что пограничники получают три разработки Самойлова.

– Ты про разгрузки? Мы же разбирали этот вопрос. Нарком Тимошенко высказался против, Кулик Григорий Иванович был категорически не согласен.

– Семену Константиновичу, наверное, лучше знать, что нужно для Красной армии. А вот пограничников и некоторые другие войска НКВД я прошу новым снаряжением обеспечить. Не такое оно и дорогое, материя да немного кожи.

– Справку по этим нововведениям, я так понимаю, ты тоже приготовил?

– Да.

– Давай сюда, а сам очень коротко по этим трем новинкам.

– Разгрузка. Ременная или матерчатая система подвесов, перераспределяющая вес носимого груза на плечи. Если разгрузка в форме жилета, то это плюс еще много удобных, в том числе на груди, карманов. В справке есть рисунки и схемы нескольких типов разгрузок.

– Хорошо, я посмотрю.

– Второе – трехточечные оружейные ремни. Отличие всего в одном карабине, но это позволяет надежно фиксировать оружие в различных положениях, облегчая перемещение по лесистой и труднопроходимой местности. Там, – Берия указал на бумаги в руках Сталина, – есть схемы, но по-настоящему понимаешь, насколько это замечательное решение, только когда сам держишь автомат в руках. Я могу завтра прислать инструктора, обучающего дзержинцев²⁴.

– Хорошо, присылай. Заодно пусть и разгрузку прихватит. Думаю, демонстрация много времени не займет, посмотрим на твое снаряжение, а потом с товарищем Гаем побеседуем.

Иосиф Виссарионович чуть кивнул, разрешая Лаврентию Павловичу продолжать.

– И последнее, что меня очень удивило. Самойлов близко сошелся с авиаторами и предложил товарищу Смушкевичу несколько новых тактических схем ведения воздушного боя. «Этажерка», «свободная охота» и самое интересное – звено из двух пар истребителей. Между Рычаговым и Смушкевичем сейчас настоящее противостояние. «Испанцы» за старое звено, «монголы» – за новое. Тимошенко на стороне Рычагова.

Сталина удивила последняя фраза, да и интонация. Нарком для того и поставлен, чтобы решать такие споры, это его прямая обязанность. Зачем Берия подчеркнул, что Тимошенко занял сторону своего зама по авиации?

– А ты сам как считаешь?

– Я лично беседовал с генерал-лейтенантом Кравченко...²⁵

– Григорий Пантелеевич, дважды Герой?

– Да. Он сейчас в Москве. Слушатель курсов усовершенствования начальствующего состава при Академии Генштаба.

– Боевой командир. Нам сейчас нужны такие командующие. Продолжай.

– Мы проговорили больше двух часов. Сначала Григорий Пантелеевич схемы чертил, а потом не выдержал, достал модели самолетов, и мы несколько вариантов боя разыграли. Даже пришлось помощников звать, рук на семь самолетов не хватало. В итоге меня Кравченко убедил, что двухпарное звено всегда будет иметь подавляющее преимущество. И чем более круп-

²⁴ Отдельная мотострелковая ордена Ленина имени Ф. Э. Дзержинского дивизия особого назначения ВВ НКВД СССР.

²⁵ Григорий Пантелеевич Кравченко (укр. Григорій Пантелеймонович Кравченко; 29 сентября (12 октября) 1912, Голубовка, Екатеринославская губерния – 23 февраля 1943, Путиловский сельсовет, Ленинградская область) – советский летчик-ас, генерал-лейтенант авиации. Погиб в воздушном бою. Вместе с С. И. Грицевцом первый дважды Герой Советского Союза (1939).

ные соединения самолетов встретятся в бою, тем явственнее будет преимущество нового тактического звена. А вот с парой три самолета будут сражаться на равных.

– Три против двух – и на равных? Почему?

– И там и там, по сути, атакует один ведущий, ведомые только прикрывают. А крутить виражи вдвоем даже легче, меньше вероятность столкнуться со своим. Кравченко считает, что эскадрилья нового формирования будет на пятьдесят процентов сильнее.

– Уверен?

Берия встал по стойке смирно.

– Уверен, товарищ Сталин.

Иосифу Виссарионовичу нужно было о многом подумать, он снова встал из-за стола и стал размеренно мерить шагами кабинет.

Опять все упиралось в кадры. В людей. В соратников. Не совершает ли он ошибку, сосредоточившись на политике и экономике и отдав военные вопросы на откуп «красным маршалам». Вроде бы очевидно, что экономика важнее. Чтобы у Тимошенко были те же танки, не отличные и не хорошие, а хоть какие-нибудь, нужно связать в единый узел десятки логистических цепочек. А личный состав? А снабжение?

Вот товарищи военные говорят, для защиты рубежей нужно минимум 10 тысяч танков. Колоссальная цифра. А если вспомнить, что протяженность сухопутной границы СССР округленно 12 тысяч километров... Если вспомнить, что Забайкальское и Дальневосточное направления в случае войны никак не смогут оперативно получать подкрепления...

А промышленность, которую после Гражданской пришлось заново отстраивать с нуля и которая до сих пор еще во многом неэффективна и выдает чудовищное количество брака? Большинство рабочих – это бывшие крестьяне, имеющие три класса образования. Инженеры – рабфаковцы²⁶.

Еще десять лет назад вопрос стоял – выпустить как можно больше хоть чего-нибудь. Посадить за штурвал этого «чего-нибудь» опять же бывших крестьян и надеяться, что буржуи, обескровленные Мировой войной, не решатся, дадут молодому Советскому государству лет десять-двадцать передышки.

И вот ситуация начала меняться, уже пошла в войска новая техника. Самолеты Як-1 и МиГ-3. Танки «Клим Ворошилов» и линкоры типа «Советский Союз», и многое-многое другое. Значит, все было не зря. Значит, направление на индустриализацию выбрано верно. Еще год-два – и Красная армия будет оснащена качественно новым оружием.

Одному человеку невозможно управлять такой огромной страной. И, казалось бы, подобралась надежная команда соратников. Молотов, Каганович, Тимошенко, молодой Берия.

Но до Берии были Ягода и Ежов. Последний, на короткое время оставшись без пригляда, умудрился наломать таких дров. Вместо точечных ударов по троцкистам устроил настоящий террор. Реабилитировано, страшно подумать, более ста пятидесяти тысяч человек²⁷.

В вопросах строительства вооруженных сил Сталин всегда опирался на проверенные кадры. Маршалы Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Шапошников, Кулик – вот те люди, кто вынес на своих плечах всю тяжесть Гражданской войны и интервенции. Но, с другой стороны, Тухачевский, Блюхер, Егоров – ведь им он тоже доверял. А выходит, из пяти первых маршалов СССР²⁸ трое стали предателями! И ведь прежде всего это его вина. Недоглядел, понадеялся на других там, где нужно было лично проконтролировать, и упустил из виду момент перерождения.

²⁶ Рабочий факультет (сокращенно рабфак) – учреждение системы народного образования в СССР (курсы, позже собственно факультеты), которое подготавливало рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения, существовавшее с 1919 года до середины 1930-х годов.

²⁷ Данные взяты из книги Е. А. Прудниковой «Берия, последний рыцарь Сталина».

²⁸ Ворошилов, Буденный, Тухачевский, Егоров, Блюхер стали маршалами 20 ноября 1935 года.

И сейчас получается, нарком внутренних дел прямо говорит, что нарком обороны неправ. А Тимошенко настолько уверен в своей правоте, что даже не счел нужным доложить об особом мнении Смушкевича? Не считает товарища Сталина достаточно компетентным? Забыл, наверное, что, когда он в августе 1918-го командовал кавалерийским полком под Царицыном, товарищ Сталин возглавлял Военный совет фронта. Ведь даже со слов Лаврентия понятно, что идея летать парами требует как минимум вдумчивого обсуждения на всех уровнях.

Выходит, хочешь не хочешь, а придется выкроить время и заняться вопросом этой новой истребительной тактики самому. Да и не только этим, вон сколько вопросов, требующих решения, обозначилось, а ведь это Берия только начал свой доклад.

Если посмотреть на ситуацию со стороны, то получается полнейшее безобразие. Почему Смушкевич сам не вышел на ЦК? Не хочет сор из избы выносить? А Жуков? Что по этому поводу думает начальник Генерального штаба? Молчит? Не потому ли, что у наркома Тимошенко и ныне покойного маршала Кулика сложились очень непростые отношения с майором Самойловым? Почему товарищ Сталин, как обманутый муж, все узнает последним?

Что ж, в отличие от гипотетического мужа, у товарища Сталина есть товарищ Берия. Вождь принял решение и даже позволил себе тень улыбки.

– Знаю, что ты загружен, Лаврентий... – Сталин помолчал. – Но край к маю мне нужна развернутая справка по нашим ВВС. Если нужно, привлеки Мехлиса или самого Самойлова. В общем, привлекай кого хочешь, но к Первوماю мне нужно знать, в каком состоянии наша авиация.

– Хорошо.

Сталин сел и кивнул, предлагая Берии продолжать.

– По новаторству в этот период всё. Остался случай с ранением.

– Я помню в общих чертах. Пуля была отравлена, и наши медики сказали, что Самойлов не выживет. Вылечили его какие-то монахи. Что ты узнал?

– самого доктора, который лечил Самойлова в Монголии, к сожалению, уже нет в живых. Язва. Но остались записи, я показывал их доктору Майрановскому²⁹, типичная картина отравления чем-то нервно-паралитическим. Медик, который осматривал Самойлова на Халхин-Голе, не имел нужного оборудования, чтобы определить яд. Он предположил, что это может быть какой-то растительный алкалоид.

– Почему?

– К сожалению, неизвестно, просто запись в журнале.

– Продолжай.

– То, что Самойлов находился при смерти, кроме записей также подтверждают несколько десятков очевидцев. В том числе Георгий Константинович Жуков. На спине Самойлова присутствует шрам, характерный для таких ранений. Считаю, вероятность инсценировки крайне мала.

– Но все же есть?

– Я вижу только один вариант: на пуле вместо смертельного яда был нанесен какой-то состав, который вызвал все симптомы (температуру, рвоту и так далее), но имел короткий период действия.

– Что по этой версии сказали твои медики?

– Сказали, что не смогли бы приготовить такой состав, который, имитируя все симптомы смертельного отравления, тем не менее не прикончил бы пациента. Вернее, в лаборатории смогли бы, намешали, но вот нанести на пулю... Какие пропорции, какая дозировка

²⁹ Григорий Моисеевич Майрановский (1899, Батум, Кутаисская губерния, Российская империя – 1964, Махачкала, Дагестанская АССР, РСФСР, СССР) – руководитель токсикологической лаборатории органов НКВД СССР-МГБ СССР (1937–1951).

– совершенно неясно. А если даже такой состав смогли бы подобрать, остается куча сложно учитываемых факторов, вплоть до того, чем питался отравленный накануне попадания в его организм яда. Майрановский считает, что, останься пуля в теле, а не пройди по касательной, в организм попало бы намного больше яда, и смерть наступила бы в течение нескольких минут.

Сталин снова кивнул, показывая, что принял информацию к сведению.

– Что по монахам?

– Нашли этот, если можно так выразиться, монастырь. Несколько полностью углубленных в землю помещений из грубо обтесанного камня. Возраст предположительно от пятисот до тысячи лет. Но место покинуто, те, кто там жил, забрали с собой практически всё. Голый камень. Местные жители рассказали, что там жили какие-то монахи. Точно не буддисты, не мусульмане и не христиане, какой-то старый полузабытый культ. И, наверное, не очень добрый. Их не трогали и, как показалось моему человеку, немного побаивались, но монахи вели себя тихо, с проповедями и советами не лезли. Правда, иногда лечили за еду или меняли обереги на продукты.

Берия замолчал, и Иосиф Виссарионович понял, что нарком ждет вопроса.

– Почему побаивались?

Лаврентий Павлович вытащил из кармана костяную фигурку сантиметров пяти и поставил ее на стол.

– Оберег.

Сталин взял фигурку и поднес ее поближе к глазам.

– Любопытно. Насколько я помню, это не Ям.

– Да. Только не Ям, а Яма. – Нарком вытащил из папки очередной листок. На этот раз это была фотография мужской спины, точнее вытатуированного на спине изображения.

– Вот, на спине Самойлова Яма, а этот, с головой слона, скорее всего, Ганеша, индуистский бог мудрости и благополучия. Вообще, хоть они и выглядят, скажем так, необычно, но вполне себе положительные герои.

– Но почему они ушли? Куда? И главное, зачем они красному командиру нанесли этого своего бога на спину?

– По словам местных, ушли в сторону Тибета, видение им было. А вот зачем набили татуировку, пока спросить не с кого.

– Сам Самойлов?

– В основном спал, подозревает, что поили чем-то наркотическим, бессвязные отрывки в тумане.

– У тебя самого есть какие-то мысли на этот счет?

– Скорее религиозные фанатики, чем спецслужбы. Эта татуировка, она рационального смысла с нашей точки зрения не несет. А вот человека на всю жизнь помечает. Слишком Самойлов там по краю прошел, так своими агентами рискуют, конечно, но рядовыми. А тут, можно сказать, проходная пешка. Не верю. Не сходится. По крайней мере, известные мне разведки так бы не стали поступать.

– А есть разведки, неизвестные наркому внутренних дел СССР?

– Разрешите, я вернусь к этому вопросу в конце доклада, товарищ Сталин, – Лаврентий Павлович внешне никак не прореагировал на слова генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза, но внутренне все же поежился.

– Хорошо, я подожду. Продолжайте, товарищ Берия.

– Теперь Польша. Рота по ходатайству Жукова была в авральном порядке переброшена на западную границу. В середине сентября, кажется пятнадцатого числа, они прибыли в Минск и практически с колес приняли участие в Освободительном походе. С первых часов подтвердилась высокая эффективность его тактики. Но и потери были относительно велики. Рота потеряла двоих убитыми и семнадцать человек ранеными.

– Разве это много?

– Соппротивление поляков нашим частям было откровенно слабым.

– Тогда почему?

– Самойлов объясняет это отсутствием времени на подготовку. У него были люди, разговаривающие на немецком, украинском и белорусском. Но было всего два человека, чисто говоривших по-польски. Также им самим пришлось добывать польское обмундирование, никто об этом не позаботился, хотя Самойлов просил об этом еще в Монголии, перед погрузкой в эшелоны. Хорошо еще, что эти недостатки частично компенсировались разработанными легендами и общим нежеланием поляков воевать.

– Подожди, Лаврентий. Ты хочешь сказать, он еще на Халхин-Голе начал планировать свои действия в Польше?

– Да, – Берия даже немного удивился вопросу, – с конца августа. Он даже просил прислать ему с пополнением бойцов поляков или живших в Польше.

– Интересно, товарищ Жуков тоже в конце августа начал слать в свой наркомат телеграммы, озаботившись предстоящей немецко-польской войной. Ты, Лаврентий, проработай этот вопрос поглубже.

– Хорошо, товарищ Сталин. Если Георгию Константиновичу кто-то что-то подсказал, я это выясню.

Берия перелистнул страницу в своей папке и продолжил:

– Когда мы начали анализировать этот временной отрезок, то сначала показалось, что в Польше Самойлов и не выходит за пределы своей компетенции. После того как наши войска встретились с немецкими, его люди остались вроде как не у дел. И чтобы чем-то себя занять, стали помогать комендатуре. Силовое прикрытие при обысках и задержаниях, помощь в допросах —, в общем, помогали как могли. Даже своим транспортом. И что самое интересное, помощь же добровольная, так что отследить и потребовать отчета о перемещениях его бойцов и командиров не представлялось возможным. Да и никому в голову не приходило отчет требовать. Зато все люди Самойлова примелькались и с комендантскими перезнакомились. Да, честно сказать, не только с ними. Моим людям тоже помогали, в чем ни попроси. И гуляли по округе в любое время. Это сейчас я понимаю, что Ямщик нашел идеальное прикрытие для своей деятельности. Если девять человек из десяти постоянно тебе помогают, то разве ты будешь допытываться, что десятый делает. Сейчас у меня картинка сложилась, а тогда, осенью тридцать девятого, когда наш источник сообщил, что Самойлов с доверенными людьми шастает к немцам и проводит там диверсии, в наркомате был шок. Думали, агент или понял что-то не так, или вообще умом тронулся.

– Тут можешь рассказывать покороче, Лаврентий. Мы с тобой это обсуждали.

– Тогда можно только добавить, что диверсиями и убийствами немецких офицеров дело не ограничилось. Еще один слой – это создание агентуры в приграничных районах. Все это, можно сказать, в одиночку и под носом не только у немцев, но и у нас. Да, еще, практически перед самым отъездом в Москву, Самойлов нашел, или, правильнее сказать, завербовал своего первого «эксперта» – актера Малого императорского театра, Геннадия Лютовского. Между прочим, ученика самого Станиславского.

– Зачем ему это? Самойлов что, собрался учить своих бойцов актерскому мастерству?

– Уже учит. Не всех, конечно, а только тех, кого планирует послать за линию фронта в немецкой форме. Мы тоже учим этому своих нелегалов. Меня тут больше удивляет, как это пришло в голову ему. Ведь на тот момент Самойлов был старшим лейтенантом, год как выпустившимся из училища. И там, в Ровно, осталось много вопросов.

– Поясни.

– Пользуясь своими особыми отношениями с комендатурой города, Самойлов имел возможность общаться с задержанными и даже забирать некоторых с собой.

– И комендант это допускал?

– Это было взаимовыгодное сотрудничество. Даже сильно больше в пользу комендачей. Можно сказать, еще одна маленькая агентурная сеть, созданная Самойловым и переданная нашей администрации в городе, но заточенная против националистов и польских непримиримых. Мои сотрудники, работая с архивами, отмечали: было такое впечатление, что работал сыщик с десятилетним стажем и без лишних моральных принципов. Но всплыло это только сейчас, и картина за давностью прошедшего времени очень неполная. Достоверно известно, что Самойлов интересовался работниками театра. Режиссерами, учителями актерского мастерства, постановщиками развлекательных фильмов. Было минимум двое из представителей театрального цеха, которых Ямщик увел с собой. А потом он нашел этого мэтра Лютовского, который от революции сбежал в Варшаву, а от немцев снова к нам в Ровно.

– Какой шустрый артист. Как думаешь, Лаврентий, он не сбежит в третий раз? Теперь для разнообразия, например, в Берлин?

– Не сбежит, мои люди все держат там под контролем. Да и Самойлов очень ответственно, даже скорее параноидально, относится к вопросам безопасности.

Сталин кивнул, соглашаясь.

– А помнишь, Лаврентий, как ты лично с ним познакомился, а потом привел его ко мне?

– Да, любопытная вышла беседа, – Берия позволил себе чуть-чуть улыбнуться, вспоминая.

Разговор вышел занятный, особенно та часть, где старший лейтенант доказывал комиссару государственной безопасности 1-го ранга, что оперативники НКВД не имели никаких шансов взять живыми бойцов его лейтенанта. Опыта работы с таким материалом у них, видите ли, нет. И ведь самое интересное, если и не доказал, то посеял обоснованные сомнения, стервец.

Как он там говорил? «Если к шпиону пришли, он уже проиграл. И остается всего два выбора – успеть покончить с собой или договариваться. Боевая подготовка в лучшем случае базовая. У уголовников цель – вырваться. Подготовка, может быть, и не хуже, однако они профессиональные воры, мошенники, но никак не убийцы. Минус – подорванное здоровье и алкоголь. У некоторых еще наркота. А вот моим бойцам на уровне рефлексов ставится задача: убей противника и не забудь еще проконтролировать. И весь последний год они без роздыха тренируются делать именно это. А Монголия еще и отсеяла самых неумелых да неудачливых. Вот честно, Лаврентий Павлович, готовы ваши волкодавы к такому противнику? А в нашем конкретном случае ситуация еще усугубилась и тем, что ваши люди не провели разведку и профилировали фактор внезапности».

Тогда нарком не нашел аргументов возразить борзому лейтенанту, зато потом в рамках наркомата создал группу именно «волкодавов», во многом используя лекала подразделения самого Самойлова.

– Что там дальше было? Ты вроде бы одно время планировал забрать его к себе.

– Планировал. И даже забрал. – Лаврентий Павлович сделал вид, что верит в забывчивость товарища Сталина. – Если коротко, то мы хотели использовать Самойлова для ликвидации врагов Советского Союза за рубежом. Первый раз все прошло гладко. Ушел, пришел, а в немецкой газете появился некролог – «нелепой смертью погиб выдающийся ученый, большой друг немецкого народа...» и так далее и так далее. А вот второй раз... Второй раз он привез мешок документов и двух китайских девчонок.

Иосиф Виссарионович неторопливо выдвинул ящик стола, чуть помедлил и достал трубку. На этот раз его выбор пал на изготовленное из бриара³⁰ изделие фирмы «Данхилл». Разломав две папиросы и набив трубку табаком, Сталин задумался.

³⁰ Бриар – плотный древесный нарост, образующийся между стволом и корнями эрики древесной (одной из разно-

Мешок документов, да. Лаврентий тогда прибежал одновременно злой, обрадованный и ошарашенный, как будто за ним али³¹ бежали. Что ж, его можно понять. Переписка со многими корреспондентами в Европе и Америке. Множество документов, в том числе частью зашифрованные. Финансовая отчетность, какие-то списки и инструкции, с которыми еще предстоит разобраться.

Тот случай, когда инициатива исполнителя оказалась оправданной на все сто процентов. Но самое главное, Самойлов каким-то наитием, каким-то звериным чутьем понял всю мерзкую извращенную суть хозяина замка. Понял, что у того должно быть что-то для себя, что-то тешащее его большое самолюбие и фиксирующее богомерзкие дела.

Сталин поежился и мысленно сплюнул.

Граф Кенгоф вел дневник, как он успел объяснить перед смертью, для потомков. «Мемуары толерантного Европейца»... да-да, именно так, с большой буквы, раса господ как-никак. Эх, дать бы им в руки лопаты, и пусть роют Атлантико-Тихоокеанский канал где-нибудь по широте города Нью-Йорка. Правда, не совсем понятно, почему «толерантного»: насколько он помнит, этот латинский термин означает «привыкание».

Похотливый садист настолько уверовал в свою непогрешимость и вседозволенность, что без всякого шифра и стеснения подробно описывал не только свои забавы, но и посредническую деятельность между фашистами и англо-американскими бизнесменами.

В том, что многие мировые финансово-промышленные круги поддерживают фашистов, в Советском Союзе не сомневались. Но одно дело слухи, догадки, обрывки разговоров – их к делу не пришьешь. Да и кому какое до этого дело. До недавнего времени Гитлер был очень популярен и в Европе, и в мире. Вон в 1938 году американский журнал «Тайм» назвал его человеком года.

Но достаточно детальная схема распределения денежных потоков, направляемых в Германию через Польшу и Швейцарию из США, это уже совсем другое дело.

Если такие гиганты, как «Форд», «Шелл» и «Дженерал моторс», делали это от своего имени, то многие финансовые воротилы предпочитали анонимность и создавали всякого рода «общества американо-германской дружбы». Так что о большинстве фамилий Кенгоф только догадывался, но не забывал щедро делиться своими догадками с будущими читателями. Клан Рокфеллеров и Морганов, Ротшильдов и Кеннеди, Бушей и Дюпонов – все поучаствовали в возрождении нацистской Германии. И граф чувствовал себя демиургом, ведь благодаря заокеанским кузенам именно через него проходила значительная часть денежных средств. Еще один посредник, имени которого Кенгоф точно не знал, сейчас находится в Швейцарии и предположительно занимает обманчиво скромную должность в министерстве финансов.

Что ж, большевики умеют ждать и найдут момент, когда полученная от графа информация ударит по капиталистам больше всего. Пригодятся тогда и списки офицеров американского Федерального бюро расследований, работающих рука об руку со своими германскими коллегами.

Эти сведения на 99,99 процента исключали вероятность того, что Самойлов может быть британским или американским агентом, уж больно скверно они пахли. А учитывая персону графа Кенгофа, так и вообще. Если опубликовать его дневник, то последний молочник будет всеми силами отрешиваться от знакомства с графом.

Товарищ Берия плавно перешел к событиям Зимней войны, рассказывая про штурм укреплений Карельского перешейка, и Сталин подумал, что именно финские доты его тогда почему-то убедили поверить молодому лейтенанту и дать ему, как говорят французы, карт-бланш.

видностей вереска).

³¹ Али – персонаж грузинской мифологии, злой демон, обитающий в горах, лесах или реках.

По мнению Иосифа Виссарионовича, предположить, что переговоры с финнами не увенчаются успехом или что Гитлер будет последовательно захватывать страны, не входящие в антикоминтерновский пакт, мог любой здравомыслящий человек. И Самойлов, по сути, ничем не рисковал, озвучивая перед высоким начальством свою версию грядущих событий.

Началась война с финнами – он прозорливый, умный человек, чуть ли не прорицатель. Нет – так все равно инициативный командир, не боящийся высказывать перед руководством свою точку зрения. Не думает же на самом деле кто-то всерьез, что грамотного командира, орденноносца и Героя Советского Союза пошлют служить в какую-нибудь дыру в случае, если его прогноз не исполнится.

С захватом Европы то же самое: ошибиться легко, всегда может пойти что-то не так. Но на самом деле ошибка в прогнозе ничем не угрожает. Самойлов озвучил радикальный вариант: к лету 1941 года, кроме Швейцарии и Швеции, в Европе нейтральных государств не останется. Только союзники Германии или те, кто с ней воюет.

Конечно, такой быстрый разгром Франции никто не предполагал. Тут неопытность старшего на тот момент лейтенанта сыграла, пожалуй, в плюс. Ни один генерал не рискнул бы такое высказать вслух. Пара месяцев маневренной войны, и французы вместе с англичанами будут вышвырнуты с континента.

Нужно признать, тогда лично он, Сталин, был занят вопросами своих западных границ: Финляндией, Прибалтикой, Бессарабией. А от слов Самойлова просто отмахнулся, не поверил. А с другой стороны, как он мог помочь французам или норвежцам? Или мог? Знай он о Самойлове то, что знает сейчас, наверное, хотя бы попытался предупредить. Только что бы он сказал? Немцы собираются обойти линию Мажино? Смешно. Нет, тогда он от прогнозов Самойлова по Европе отмахнулся, не до них было.

А вот выкладки по финнам его зацепили. Герой Халхин-Гола не сомневался, что Красная армия упрется на перешейке в оборонительную линию, упрется и умоется кровью. Вот тут и понадобятся инженерно-штурмовые части, которых у нас нет от слова совсем. Самойлов расписал тогда не только предполагаемую систему укреплений и конструктивные особенности финских дотов. Хотя особенность была одна – фланкирующий огонь. Главное, он предложил тактические приемы взламывания таких укреплений относительно небольшими силами.

Да, Сталин тогда поверил зеленому лейтенанту с горящими глазами и дал разрешение создать особый батальон. Много тогда чего разрешил. Полный карт-бланш, посмеивался еще про себя, насколько у парня пыла хватит. Потом как-то не до того стало, чтоб судьбу этого батальона отслеживать, понадеялся на Ворошилова и Тимошенко. И очень удивился, когда от Бориса Михайловича Шапошникова узнал, что эта часть, специально созданная и подготовленная для прорыва линии дотов, не используется.

Не зря, ох не зря попросил он Лаврентия собрать исчерпывающую информацию о майоре. Вон уже сколько интересного попутно вылезло. Придется все же в дела наркомата обороны вникать поглубже, выкраивать как-то время и вникать. Решено.

Товарищ Сталин снова сконцентрировался на словах наркома.

– Во время очередной вылазки одна из групп Самойлова наткнулась на штаб финского батальона, в перестрелке погиб комбат майор Вальве Аарне-Юхан. Это стало последней каплей, и финны устроили на «призраков» настоящую облавную охоту. Снимали даже подразделения, блокирующие 44-ю дивизию, чем, в общем-то, значительно облегчили ей выход из окружения.

– Облегчили? Если я правильно помню, дивизия потеряла все тяжелое вооружение!

Сталин быстро подавил вспышку раздражения, понимая, что Самойлов тут точно не виноват.

– Продолжай, Лаврентий.

– Закономерно в итоге финны Самойлова подловили. Причем как раз тогда, когда он сам пошел в рейд. Вышли чудом через какие-то болота. Потеряли двух бойцов, а еще трое, включая командира, вернулись обмороженными. В итоге, боясь гангрены, ему ампутировали все пальцы на левой ноге. Я поднял рапорты уцелевших бойцов той группы и проверил все очень пристрасно: маршрут, скорость движения, места боестолкновений – все сходится. Нашлись гильзы и пулевые отметины на деревьях. Мы даже труп финского солдата вытащили из болота.

Иосиф Виссарионович недоуменно посмотрел на Берия, прося разъяснений.

– Согласно рапорту, сержант Котов где-то там утопил винтовку. Винтовку не нашли, а рядового Коскинена со всеми документами вот нашли.

– Значит, говоришь, всё сходится?

– Да, товарищ Сталин, считаю, возможность предательства со стороны Самойлова во время рейдов по финским тылам можно исключить.

– Что ж, это хорошо. Что-то еще было необычное, на что ты обратил внимание?

– Не очень приятное совпадение. В тот день, когда Самойлову ампутировали пальцы в Москве, умерла его жена Екатерина, про которую я уже говорил.

– От чего?

– Какая-то инфекция, поднялась температура, и сгорела буквально за несколько суток.

– Жаль девушку. И как у Самойлова сейчас на личном фронте?

– Есть у него актриса в Москве, то ли невеста, то ли гражданская жена, не очень ясно. Но видятся они, ввиду бешеной загруженности майора, не часто. Еще у него двое приемных детей-подростков.

Лаврентий Павлович улыбнулся, сверкнув линзой пенсне.

«Когда успел-то? – Не успел Иосиф Виссарионович удивиться, как его посетила внезапная догадка: – Китайки!»

– Ты про этих китайнок? Кажется, их в детдом в Казани определили?

– Да, туда. Документы на усыновление он сразу подал, и жена была не против. А после госпиталя Самойлов практически сразу поехал в интернат и добился, чтобы их ему отдали. Там в это время как раз какая-то странная история с поножовщиной произошла. В общем, сейчас они живут на базе самойловской бригады, и я думаю, это оптимальный вариант.

– Что ж, это правильно. Мало ли что они могут сказать по малолетству. Сейчас нам никак нельзя обострять отношения с Германией. Что дальше?

– Дальше. В июле прошлого года батальон развернули в бригаду, и Самойлов вплотную занялся строительством базы. Чуть позже, когда появилось немного свободного времени, параллельно начал мотаться по стране, исполняя обязанности консультанта коллегии наркомата вооружений.

Берия вытащил из своей папки стопку сброшюрованных листов и положил ее на стол.

– Заводы, КБ, контакты, рацпредложения, стенограммы выступлений перед рабочими коллективами. В общем, всё.

Иосиф Виссарионович на глазок прикинул толщину лежащей перед ним стопки листов (по объему выходил если не роман, то повесть точно), хмыкнул и пододвинул брошюру к себе.

– Потом ознакомлюсь. Что-то еще?

– Все это время Самойлов продолжает собирать «экспертов». Кроме актера, он нашел казака-пластуна, врача-алкоголика, немецкую баронессу – преподавателя немецкого, сыщика из Москвы и еще нескольких «спецов». Но самая интересная находка, по-моему, художник Валерий Романов.

– Это не он ли написал картину «Тяжелый ракетный крейсер “Киров”», которая сейчас висит в кабинете Кузнецова?

– Он самый.

– Я видел его работы. Тебе не кажется, Лаврентий, что юноша опередил свое время?

– Определенно, товарищ Сталин. Недавно Романов и майор Самойлов ездили в Одессу. В частности, побывали они и на киностудии художественных фильмов. А там, на свою беду или к счастью, с ними познакомился режиссер Павел Владимирович Клушанцев³², который как раз собирался снять фантастический фильм «Ракетоплан на Венере». Так вот, Павел Владимирович, впечатленный картинами Романова, решил похвастаться своим творчеством. И не придумал ничего лучше, чем поинтересоваться мнением художника относительно реалистичности декораций, показывающих внутреннее устройство межпланетного корабля.

Сталин усмехнулся, подозревая, чем это могло кончиться, но перебивать своего наркома не стал.

– Попал, в общем, режиссер. Эти гаврики, Самойлов с Романовым, уже обсуждали между собой, как будет выглядеть космический корабль изнутри. И, думаю, не один раз. У Романова тема межпланетных полетов довольно часто встречается в творчестве и очень тщательно проработана. Раскритиковали всё. Начали с названия – «Ракетоплан». Заявили, что космический корабль, способный доставить тридцать человек на другую планету, а потом вернуться обратно (так по сценарию), будет строиться обязательно на орбите из отдельных модулей. Форма модулей будет шарообразной или цилиндрической. Спуск на планету тоже будет производиться посредством челноков. Так зачем ему крылья? Где он собирается планировать, если в космосе воздуха нет? А вот грузовые челноки будут или сигарообразные и остроносые, или самолето-подобного вида. Даже несмотря на то, что космический корабль будет размером порядка пяти тысяч кубических метров.

– Откуда такая цифра?

– Она весьма условна. Они просто в десять раз увеличили объем подводной лодки типа «Щука».

– В этом есть рациональное зерно, – товарищ Сталин кивнул, – продолжай.

– Так... Несмотря на размеры, это будет не шикарный океанский лайнер для туристов, а скорее законопаченная бочка. Тесная и функциональная. И если уважаемый Павел Владимирович хочет узнать, как будут выглядеть первые космические корабли изнутри, ему нужно найти того, кто устроит ему экскурсию на подводную лодку.

– Пять тысяч тонн, и он называет это бочкой... Если я не ошибаюсь, у Романова на картинах есть огромные, просто исполинские космические корабли. И космические линкоры, и целые города, построенные в открытом космосе.

– Те картины из разряда «когда-нибудь через тысячу лет». А в фильме показаны первые шаги по освоению космоса. Самойлов считает, что до Марса мы доберемся лет через пятьдесят.

– Пятьдесят лет. Мы с тобой не доживем, Лаврентий.

– Дети доживут. На нашем веку появились автомобили и аэропланы, синематограф и телеграф, а вот они полетят к звездам.

– Значит, не зря живем?

Берия понял, что вопрос Сталина скорее относится ко всему человечеству, а не к конкретным судьбам сидящих в этом кабинете людей.

– Не зря. – Для него самого мнение Самойлова неожиданно оказалось весомым и важным. – Самойлов там все так расписал, такое впечатление, что сам летал. Декорации поменяли полностью, сценарий погромсали наполовину. Название, кстати, тоже изменили, теперь это «Пионеры планеты бурь».

– Как сказал Владимир Ильич: «Важнейшим из искусств для нас является кино». Считаю, будет правильным попросить товарища Большакова³³ оказать посильную помощь режиссеру

³² П. В. Клушанцев – в РИ в 1961 году поставил советский научно-фантастический художественный фильм «Планета бурь».

³³ Иван Григорьевич Большаков (1902–1980) – советский государственный деятель, организатор кинопроизводства, председатель Комитета по делам кинематографии при Совнаркоме СССР, министр кинематографии СССР (1939–1953).

Клушанцеву в создании картины. А ты, Лаврентий, проследи, чтобы они там ненароком чего лишнего не показали. На каких принципах будет работать двигатель этого корабля?

– В фильме корабль будет использовать гравитационные волны. А так майор считает, что на первом этапе освоения космоса от реактивной тяги никуда мы не денемся.

– Он что, еще и этим занимается?

– Самойлов считает реактивное оружие очень перспективным. И плотно сотрудничает с НИИ-3 наркомата боеприпасов, особенно сейчас, когда не стало маршала Кулика.

– При чем тут Григорий Иванович?

– Маршал, мягко говоря, не одобрял, когда кто-то влезал в дела его наркомата, – Берия опять сделал вид, что верит в неосведомленность вождя.

– Хорошо, продолжай.

– Сейчас Самойлов всеми силами продвигает выпуск авиационных реактивных снарядов РС-82 и РС-132. Не раз обращался к Жукову с просьбой ускорить войсковые испытания боевой машины реактивной артиллерии. Также высоко оценивает потенциал крылатых ракет и, в частности, «проект 212»³⁴. А вообще жалуется, что времени хватает только на самое важное.

Мужчины, сами живущие в условиях хронического дефицита времени, понимающе переглянулись.

– И что входит в сферу интересов товарища майора? Что он считает самым важным?

– Если по справедливости и по заслугам, ему давно пора генералом стать.

– ЦК в этом вопросе меня не поддержит. Ты знаешь, сколько на него приходит жалоб? И не только мне. А тебе что, не сигнализируют?

– Сигнализируют, да, наверное, еще побольше, чем в ЦК. Целый стеллаж пришлось под эти сигналы выделить.

– Вот, а ты говоришь, генерал. Да и сам Самойлов, насколько мне известно, за чинами не гонится. Пусть пока в майорах походит, совать свой длинный нос везде, где только можно, ему это не мешает.

– Хорошо, товарищ Сталин. Начну тогда, наверное, с самого неприятного. С линкоров. Ямщик предлагает приостановить постройку «Советской России». Думаю, он хотел бы заморозить всю программу строительства линкоров, но просто не решается предложить остановить работы и на «Советском Союзе».

– Надо же, хоть чего-то майор Самойлов не знает.

Линкоры типа «Советский Союз» должны были стать олицетворением могущества Советского Союза. Показать всему миру, что страна, вышедшая менее двадцати лет назад из гражданской войны с полностью разрушенной промышленностью, встала в один ряд с ведущими индустриальными державами мира. Проект был амбициозный и потребовал крайнего напряжения научного и промышленного потенциала СССР.

Была проведена колоссальная подготовительная работа. Начиная от опытно-конструкторских изысканий и заканчивая ремонтом стапелей и доков на Балтийском и Николаевском заводах.

А сейчас Самойлов предлагает все это приостановить?! Заморозить доки, разогнать с таким трудом собранных квалифицированных рабочих? А может быть, лучше арестовать самого Самойлова? Осудить и отправить на Колыму золото мыть, так он больше пользы Родине принесет.

Если бы все было так просто. Самойлов просто не знает, что линкор «Советская Россия» последний, на котором не заморожены работы. Еще в октябре прошлого года СНК при-

³⁴ *Ракета 212 («объект 212»)* – экспериментальная управляемая крылатая ракета, серия которых была разработана в 1934–1938 годах реактивным научно-исследовательским институтом. Главный конструктор – Сергей Павлович Королев.

нял решение о замораживании работ на линкорах «Советский Союз» и «Советская Украина» и разборке линкора «Советская Белоруссия» на металл.

Усилия будут сосредоточены на тяжелых крейсерах «Кронштадт» и «Севастополь» и на легких силах флота³⁵.

Самойлов верит, что война начнется этим летом; что ж, с его точки зрения все логично. К тому же строительство «Советской России», можно сказать, еще и не начиналось. Будет ли он спущен на воду в 1943 году, большой вопрос.

Но отказаться сейчас от линкоров собственной постройки значило бы расписаться в собственной технологической несостоятельности. Пойти на это Советский Союз никак не мог.

– ЦК считает предложение товарища Самойлова несвоевременным. Продолжай, Лаврентий.

– Дальше танки. Самойлов настаивает, что в танковых дивизиях нужно иметь больше мотопехоты, а также необходимы гаубицы. Недостаточно автотранспорта, в том числе специальной и ремонтной техники. А вот танков нужно меньше. По его мнению, механизированные корпуса перегружены танками, которые без тесного взаимодействия с пехотой становятся очень уязвимыми. Приводит многочисленные примеры: Халхин-Гол, Польша, Финляндия.

– Что говорят Тимошенко и Жуков по этому поводу?

– Спрашивают: а булку ему с маком не надо? Говорят, не надо нас учить и путаться под ногами. Сейчас идет реформа автобронетанковых войск, проблемы они видят и решают. И воткнуть в корпус еще один полк мотопехоты или гаубичный дивизион – это проблемы далеко не самые сложные. Да, раз уж мы про танки, Самойлов постоянно заостряет внимание на 76-миллиметровых бронебойных снарядах. Ситуация там на самом деле сложная, если не сказать катастрофическая.

Сталин вздохнул, проблемы советской промышленности он знал не понаслышке. И то, что план по выпуску этих снарядов из года в год срывается, тоже прекрасно знал.

– И мне кажется, товарищ Сталин, что дело тут не только в технологической сложности изготовления этих боеприпасов.

Берия протянул Иосифу Виссарионовичу очередной листок из своей папки.

– По вашему поручению подготовлена справка по работе наркомата боеприпасов за тысяча девятьсот сороковой и начало сорок первого года.

Взяв справку, Сталин начал быстро ее просматривать и сразу зацепился взглядом за один из абзацев: «НКБ должен был выпустить в 1940 году вместо латунных артиллерийских гильз 5,7 млн железных. Не отработав технологического процесса, НКБ изготовил за 9 месяцев 1 млн 117 тыс. железных гильз, из которых 963 тыс. пошли в брак (86,2 % брака – БТ). За то же время пошло в брак большое количество взрывателей новых конструкций ГВМЗ и МГ-8. Взрывателей МП и Д-1 при плане 3 млн не сдано ни одной штуки. В целом убытки от брака за 9 месяцев составили 167 млн рублей»³⁶.

Остальные факты, приведенные в документе, оптимизма также не добавляли.

– Сергеева³⁷ придется снять, – безапелляционно заявил генеральный секретарь, убирая бумагу в стол. – Продолжай.

– Кавалерия. Здесь Самойлов, наоборот, просит оставить хотя бы казачьи дивизии, – Берия заглянул в папку, – 4-ю Донскую имени Ворошилова, 10-ю Терско-Ставропольскую, 12-ю Кубанскую, 15-ю Кубанскую. Мотивирует тем, что глупо менять хороших конников на посредственных танкистов. А вот как квазимотопехоту использовать кавдивизии будет удобно.

³⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане военного судостроения на 1941 год» от 19 октября 1940 г. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 2. Л. 216–226.

³⁶ Фрагмент отчета Наркомата Госконтроля от 5 ноября 1940 года, № 3534, АП РФ Ф. 3. Оп. 58. Д. 343а, Л. 155–164.

³⁷ Сергеев Иван Павлович – с 11 января 1939 года нарком боеприпасов. 30 мая 1941 года арестован по делу «О вредительстве в системе наркомата боеприпасов». Расстрелян в начале 1942 года. Реабилитирован в 1955 году.

– А сам что думаешь?

– Четвертую Донскую хорошо бы оставить. Да и остальные соединения с традициями; возможно, будет рациональнее использовать их именно как дивизии поддержки танкового прорыва. Я бы посоветовался с Семеном Михайловичем Буденным по этому вопросу.

– Есть у тебя справка по этим дивизиям?

– Да.

– Давай сюда. Побеспокою товарища Буденного.

Убрав в стол очередной документ, Сталин в очередной раз кивнул, снова приглашая Лаврентия Павловича продолжать.

– Авиация. Предлагает воздушные армии, подчиненные непосредственно командующим округами, и отказ от смешанных дивизий.

– Пусть предлагает. Доложишь мне первого мая о положении дел в ВВС, тогда и решим. Теперь кивнул Берия.

– Самолетостроение – одно из направлений, которые Самойлов считает наиболее важными. Постоянно мотается по заводам и КБ, общается с конструкторами, выступает перед рабочими, как я уже говорил, дружит со Смушкевичем. Подробно в тех документах, что я вам передал, товарищ Сталин. Отдельно хочу отметить: майор также предлагает создать хотя бы одну экспериментальную часть для борьбы с высотными разведчиками и перспективными бомбардировщиками противника. По его мнению, нам необходимы перехватчики, уверенно работающие на высотах 10–15 километров. Потребуется несколько десятков самолетов, подготовленных для работы на экстремальном морозе и в очень разреженном воздухе, и пункты управления, оснащенные радаром и мощными радиостанциями. Желательно иметь один такой пункт в каждом округе и в таких городах, как Москва, Ленинград, Таллин, Минск, Киев.

– Идея, конечно, интересная. Но осуществимая? К кому он обращался с этим предложением?

– К Тимошенко и Рычагову.

– И что эти товарищи ему ответили?

– Мягко говоря – занимайтесь своим делом.

– У нас нет самолетов, способных воевать на пятнадцати километрах.

– Пятнадцать в перспективе. В настоящее время, по данным нашей разведки, потолок германской авиации – одиннадцать тысяч метров. Также Самойлов предлагает вооружать такие самолеты реактивными снарядами. Это увеличит высоту досягаемости еще на километр.

– Как он собирается в кого-то попасть?

– Осколочно-фугасная ракета большой мощности. А на такой высоте любое повреждение может стать фатальным. Или заставит снизиться разведчика до высот, где его достанут другие истребители. В качестве перехватчика майор рассматривает не только истребители, но и бомбардировщики. Например, поступающий на вооружение Пе-2, который изначально и конструировался как высотный истребитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.